1. М. М. Филиппов.

КОНТЪ И ЕГО МЕТОДЪ.

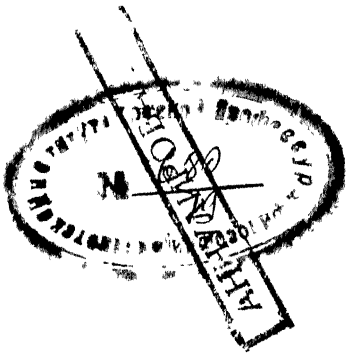
2. Л. И. Филиппова.

ОГЮСТЪ КОНТЪ И КЛОТИЛЬДА ДЕ ВО.

№ Инв/ 5332
№ Хр. Кат. 8744
Б. К. Д. А.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Пороховщикова, Бассейная, д. № 3—
1898.



Дозволено цензурою. Спб. 14 апрѣля 1898 г

615
40

Контъ и его методъ.

I.

Огюстъ Контъ былъ, по его собственнымъ словамъ, потомокъ рода, извѣстнаго своимъ вѣрнымъ служеніемъ католицизму и монархизму. Контъ родился въ Монпелье 19 янв. 1798 года и воспитывался первоначально въ одномъ изъ тѣхъ лицеевъ, гдѣ Бонапарте „напрасно старался возстановить преобладаніе теологометафизической системы“. Едва достигнувъ четырнадцатилѣтняго возраста, Контъ успѣлъ уже пройти „всѣ существенныя градаціи революціоннаго духа“ и въ то время онъ уже сознавалъ необходимость „всеобщаго политическаго и философскаго возрожденія“. Это подлинныя слова Конта. Допустивъ въ нихъ извѣстную долю преувеличенія, все же слѣдуетъ признать, что въ умѣ Конта очень рано явилась оппозиція противъ тупой рутины, господствовавшей въ школахъ, подчиненныхъ двойному гнету свѣтскаго и духовнаго деспотизма. Поступленіе въ парижскую Политехническую школу, гдѣ преподавали лучшіе математики того времени, было эпохой въ жизни Конта. Здѣсь онъ развилъ свои математическія способности и впервые понялъ ту истину, что духъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ долженъ проникнуть во всѣ области знанія. Контъ сталъ пополнять свое первоначальное образованіе, стараясь, несмотря на ограниченность матеріальныхъ средствъ, познакомиться съ біологическими науками и посвящая остальное время изученію исторіи. Эти занятія, требовавшія значительной экономіи времени, послужили основой для выработанной впослѣдствіи Контомъ философіи наукъ. По собственнымъ словамъ Конта, идея іерархическаго ряда наукъ установилась въ его умѣ въ 1821 году. Къ этой же эпохѣ должно быть отнесено установленіе знаменитаго закона, выражающаго, по мнѣнію Конта, все человѣческое развитіе (évolution—Контъ часто употребляетъ этотъ терминъ), индивидуальное и общественное. Это законъ о трехъ главныхъ фазисахъ умственнаго развитія—теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ.

Сопоставляя автобіографическія показанія Конта, трудно усомниться въ томъ, что основныя начала своего ученія онъ выработалъ вполнѣ самостоятельно; люди, подобные Конту, вообще не годятся въ роли учениковъ. Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, чтобы онъ остался внѣ всякихъ личныхъ вліяній. Въ концѣ 1817 года, стало-быть въ эпоху, когда ученіе Конта далеко не успѣло установиться въ его собственномъ умѣ, двадцатилѣтній Контъ сблизился съ Сенъ-Симономъ, которому въ то время было уже 48 лѣтъ и который успѣлъ уже издать большую часть своихъ трудовъ, исключая однако Катехизиса промышленныхъ классовъ (Catéchisme des Industriels), часть котораго была составлена Контомъ [1]).

Опредѣлить степень зависимости Конта отъ Сенъ-Симона довольно трудно. Дюрингъ, напр., безъ всякой критики, признаетъ Конта „ученикомъ“ Сенъ-Симона, а нѣкоторые поклонники Конта, въ свою очередь, заходятъ такъ далеко, что приписываютъ роль ученика — Сенъ-Симону. Проще всего этотъ вопросъ рѣшается изученіемъ прежнихъ работъ Сенъ-Симона и автобіографическими показаніями самого Конта. Безпристрастное изслѣдованіе показываетъ, что въ 1802 году, когда Конту не было еще пяти лѣтъ, Сенъ-Симонъ уже высказывалъ въ своихъ „Письмахъ женевскаго обывателя“ нѣкоторыя отрывочныя мысли, въ которыхъ можно усмотрѣть намеки на положительную философію. Такъ, напр., онъ утверждалъ, что науки образуютъ рядъ, расположенный по степени сложности изучаемыхъ ими объектовъ.

Что касается самого Конта, онъ весьма энергически отвергалъ мысль о крупныхъ заимствованіяхъ, но въ то же время не отрицалъ, что было время, когда онъ значительно подчинялся вліянію Сенъ-Симона. „Это злополучное вліяніе, говоритъ Контъ, на долгое время отвлекло меня отъ философской работы и побудило къ праздным попыткамъ вмѣшиваться въ непосредственную политическую дѣятельность... Хотя я не отрицаю того, что знакомство съ Сенъ-Симономъ... принесло мнѣ пользу, обративъ мое вниманіе на соціальное значеніе промышленнаго развитія, но еще раньше на эту мысль наводило меня изученіе экономическихъ теорій“. Во всякомъ случаѣ Контъ признавалъ, что частное сходство нѣкоторыхъ изъ его положеній съ ученіемъ Сенъ-Симона далеко перевѣшивается различіемъ въ основныхъ положеніяхъ.

Если, однако, сопоставить все, что говоритъ Сенъ-Симонъ

---

[1]) Эта часть, первоначально озаглавленная «Планъ научныхъ трудовъ, необходимыхъ для преобразованія общества (1822)» перепечатана въ собраніи сочиненій Сенъ-Симона (См. Oeuvres de Saiant Simon et d'Enfantin Paris, 1865—78 vol. 38) Здѣсь уже Контъ говоритъ о «позитивной политикѣ» и о «соціальной физикѣ». Сравн. P. Janet, Les origines de la philosophie d'Auguste Comte Revue des deux Mondes, августъ 1887.

какъ по болѣе общимъ вопросамъ, напр., о закономѣрности развитія человѣческаго духа, такъ и по болѣе частнымъ, напр., объ отношеніи писателей XVIII вѣка къ средневѣковой эпохѣ, то окажется, что сходство идей Конта, по крайней мѣрѣ въ области соціологіи, съ мыслями Сенъ-Симона, высказанными еще до его знакомства съ Контомъ, далеко не ограничивается маловажными подробностями. Въ особенности же мысли о противоположности военнаго и промышленнаго строя и о союзѣ теологіи съ феодализмомъ, а науки съ промышленнымъ состояніемъ, несомнѣнно принадлежатъ Сенъ-Симону и лишь развиты далѣе Контомъ. [1]).

Въ эпоху составленія „Промышленной системы", Сенъ-Симонъ достигъ уже значительной славы и собралъ вокругъ себя кружекъ молодыхъ энтузіастовъ, въ числѣ которыхъ былъ, напр., будущій знаменитый историкъ Огюстенъ Тьерри, въ то время уже обладавшій обширными познаніями. Въ этомъ кружкѣ окрѣпли и окончательно сложились основныя воззрѣнія Конта, а если нѣсколько лѣтъ спустя онъ рѣзко разошелся съ Сенъ-Симономъ, то это вовсе не исключаетъ прежняго вліянія, едва-ли всегда отрицательнаго. Можно даже сказать, что рѣзкость оппозиціи по отношенію къ бывшему другу заставила Конта черезчуръ уклониться въ другую сторону и проглядѣть нѣкоторыя основательныя мысли Сенъ-Симона: таковы, въ особенности, замѣчанія Сенъ-Симона о зависимости государственныхъ формъ отъ имущественныхъ отношеній [2]). Контъ несомнѣнно пользуется мыслями Сенъ-Симона о происхожденіи классовъ [3]), усвоивъ, однако, самую слабую ихъ сторону— убѣжденіе въ руководящей миссіи промышленныхъ классовъ, съ буржуазіей и даже съ банкирами во главѣ, причемъ вопросъ о противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата былъ извращенъ до неузнаваемости.

Вскорѣ послѣ изданія „Катехизиса промышленныхъ классовъ", между Контомъ и Сенъ-Симономъ произошелъ разрывъ, вызванный теоретическими разногласіями. Понять причину разрыва не

---

[1]) Два первыхъ тома Système industriel 1821—22 были набросаны Сенъ-Симономъ еще въ маѣ 1817 года, тогда какъ первое свиданіе его съ Контомъ произошло въ октябрѣ того-же года.

[2]) La forme du gouvernement . n'est qu'une forme et la propriété est le fond; donc c'est cette constitution qui sert véritablement de base à l'édifice social. (Oeuvres, изд. 1865—78 года, vol XIX, 83). Это еще не есть, конечно, идея, развитая Марксомъ, такъ какъ Сенъ-Симонъ говоритъ не объ экономической основѣ политическаго строя, а объ имущественныхъ правахъ, т. е. о юридической формѣ экономическихъ отношеній.

[3]) О происхожденіи классовъ, см. Catéchisme des Industriels, Oeuvres, Vol. 37. Теперь взгляды Сенъ-Симона могутъ показаться наивными: такъ онъ объясняетъ усиленіе соціальнаго значенія ремесленниковъ и торговцевъ, послѣ крестовыхъ походовъ, развитіемъ роскоши среди высшихъ сословій. Заслуга Сенъ-Симона, однако, въ томъ, что онъ рѣзко поставилъ вопросъ о происхожденіи классовъ, тогда какъ до него историки почти исключительно изслѣдовали вопросъ о происхожденіи государственныхъ формъ

трудно, если вспомнить, что говоритъ самъ Контъ о вліяніи на него Сенъ-Симона. Ни о какой неблагодарности и личной враждѣ со стороны Конта не можетъ быть рѣчи; достаточно замѣтить, что послѣ смерти Сенъ-Симона, Контъ всегда тщательно охранялъ память прежняго друга отъ враговъ и также отъ людей, спекулировавшихъ именемъ того, кого называли своимъ учителемъ.

О личной жизни Конта здѣсь будетъ идти рѣчь лишь по стольку, по скольку она непосредственно отражалась на его философской дѣятельности. Въ 1826 году Контъ предпринялъ рядъ публичныхъ лекцій, въ которыхъ намѣревался изложить свое философское ученіе. Несомнѣнно, что друзья Конта успѣли ознакомить весь ученый міръ Парижа съ нѣкоторыми взглядами Конта, и ему удалось привлечь въ свою аудиторію такихъ слушателей, какихъ едва-ли имѣлъ какой-либо другой лекторъ; въ числѣ ихъ были: Александръ Гумбольдтъ, Блэнвиль, Пуансо, математикъ Фурье, Бруссэ, Карно. Но послѣ первыхъ же лекцій, весною 1826 года, усиленныя занятія, въ связи съ глубокими нравственными страданіями, потрясли его организмъ. Контъ впалъ во временное помѣшательство. Онъ самъ описываетъ этотъ періодъ слѣдующимъ образомъ: „Если бы моя болѣзнь была предоставлена естественному теченію, я, безъ сомнѣнія, скоро могъ бы возвратиться къ нормальному состоянію, что будетъ ясно изъ послѣдующаго. Но слишкомъ робкая и безразсудная заботливость, впрочемъ естественная въ подобныхъ обстоятельствахъ, была, къ несчастью, причиною злополучнаго вмѣшательства эмпирической медицины, въ спеціальномъ заведеніи знаменитаго Эскироля, гдѣ нелѣпое обхожденіе съ больными быстро довело меня до весьма характернаго помѣшательства. Послѣ того, какъ медицина объявила меня неизлѣчимымъ, внутренняя сила моей организаціи, съ помощью нѣжныхъ домашнихъ попеченій, восторжествовала естественнымъ путемъ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль... надъ болѣзнью и, главное, надъ медицинскими средствами. Этотъ вполнѣ естественный успѣхъ былъ, спустя восемьнадцать мѣсяцевъ, настолько упроченъ, что въ августѣ 1828 года, читая знаменитое сочиненіе Бруссэ объ умопомѣшательствѣ, я уже могъ философски воспользоваться тѣмъ печальнымъ личнымъ опытомъ, который въ ту эпоху обогатилъ мой умъ, купившій эти свѣдѣнія такой дорогой цѣною“.

Контъ поясняетъ, что такимъ откровеннымъ признаніемъ онъ желаетъ гарантировать себя отъ всякихъ инсинуацій, пускавшихся въ ходъ не только какими-нибудь жалкими писаками, но и такими учеными, каковъ, напр., знаменитый Пуассонъ.

Въ 1828 году Контъ могъ уже возобновить свои занятія и чтеніе курса; четыре года спустя онъ получилъ въ Политехнической школѣ скромное мѣсто репетитора по высшему анализу и

раціональной механикѣ, а позднѣе (1837) былъ назначенъ экзаменаторомъ для поступающихъ въ ту же школу; профессорской каѳедры Контъ не получилъ. Мало того, какъ разъ въ то время была упразднена должность пожизненныхъ экзаменаторовъ и было опредѣлено, что занимающіе должность экзаменатора должны подвергаться ежегодной перебаллотировкѣ. Контъ былъ первый, къ кому примѣнили эту мѣру и такимъ образомъ его положеніе оказалось крайне зависимымъ.

Интриги, затѣянныя противъ Конта, едва-ли требуютъ сложнаго объясненія. Каждый, кому хотя сколько-нибудь знакома „борьба за существованіе“, происходящая во всѣхъ сферахъ общества, въ томъ числѣ и въ ученомъ мірѣ, припишетъ эти интриги людскимъ страстямъ и низменнымъ чертамъ человѣческой натуры.

Но Контъ былъ прежде всего творцомъ „Позитивной философіи“, въ которой умственныя движенія человѣчества были поставлены краеугольнымъ камнемъ всей системы. Философъ хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему принципу и провести его даже въ мелочахъ обыденной жизни. Не удивительно, поэтому, что всѣхъ окружающихъ онъ подраздѣлялъ, сообразно со своей теоріей умственнаго развитія, на теологовъ, метафизиковъ и позитивистовъ. Всѣ обыденныя людскія отношенія, зависящія отъ мелкихъ самолюбій, отъ корысти, отъ желанія подставить ногу ближнему, Контъ приписывалъ по преимуществу интеллектуальной борьбѣ. „Партія теологовъ“, конечно, отнеслась къ нему крайне враждебно. Римская курія предала проклятію его философію еще раньше окончанія „Курса“, не смотря на почти восторженное отношеніе Конта къ исторической миссіи католицизма. Не ограничившись анаѳемой, духовенство стало преслѣдовать Конта за то, что онъ, по порученію комитета „Политехнической Ассоціаціи“ читалъ (съ 1831 по 1848 годъ), въ зданіи мэріи третьяго парижскаго округа, популярныя безплатныя лекціи по астрономіи парижскимъ рабочимъ. „И вотъ, говоритъ Контъ, самыя низкія орудія этой школы стали дерзко требовать отъ правительства, которое перестало имъ повиноваться, полнаго уничтоженія всѣхъ моихъ средствъ къ существованію“.

Столкновеніе съ „партіей метафизиковъ“ оказалось еще болѣе опаснымъ для Конта. Единственнымъ „метафизикомъ“, въ пользу котораго Контъ сдѣлалъ первоначально исключеніе, былъ знаменитый историкъ и печальной памяти министръ, Гизо. Но и въ немъ Конту пришлось разочароваться. Вначалѣ 30-хъ годовъ Контъ, по его словамъ, „оказалъ честь“ Гизо, обратившись къ нему съ предложеніемъ учредить каѳедру исторіи положительныхъ наукъ. Единственный разъ въ жизни Контъ отступилъ отъ правила—никогда не просить у властей ничего, помимо того, что онѣ обя-

заны сдѣлать по закону. Но поведеніе Гизо окончательно убѣдило Конта въ невозможности имѣть дѣло съ „метафизиками“. По разсказу Конта, послѣ различныхъ увертокъ, Гизо „основавшій множество безполезныхъ и даже вредныхъ каѳедръ для своихъ приверженцевъ и льстецовъ, рѣшительно отказался отъ предлагаемаго нововведенія“. Контъ приписываетъ этотъ поступокъ исключительно метафизической злопамятности Гизо.

Не мѣшаетъ, впрочемъ, выслушать также противную сторону. Въ своихъ „Мемуарахъ“, эксъ-министръ Луи-Филиппа описываетъ столкновеніе съ Контомъ слѣдующимъ образомъ:

„Я въ то время (1832) находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ одному человѣку, который—не скажу надѣлалъ шума, такъ какъ меньшаго шума нельзя себѣ представить,—но произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе, даже за предѣлами Франціи, на мыслящіе умы, причемъ слѣдуетъ оказать, что его идеи стали символомъ вѣры маленькой философской секты. Новыя каѳедры (литературы, конституціоннаго права и т. д.), созданныя при Коллежъ де Франсъ, а также при факультетахъ, привели въ движеніе честолюбія всего ученаго міра. Огюстъ Контъ, авторъ того, что другіе называли и что онъ самъ назвалъ положительной философіей, просилъ у меня свиданія. Я съ нимъ вовсе не былъ знакомъ, даже никогда о немъ не слышалъ. Я его принялъ, мы немного побесѣдовали. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я учредилъ для него, при Коллежъ де-Франсъ, каѳедру по исторіи физико-математическихъ наукъ; и чтобы доказать необходимость такой каѳедры, онъ изложилъ мнѣ въ неудобоваримой и непонятной формѣ свои взгляды на человѣка, общество, цивилизацію, религію, философію и исторію. Это былъ простой, честный, глубоко-убѣжденный человѣкъ, преданный своимъ идеямъ, скромный по внѣшности, хотя, въ сущности, глубоко-тщеславный и искренне вѣровавшій, что онъ призванъ открыть, для человѣческаго духа и для общества, новую эру. Слушая его, я съ трудомъ воздерживался отъ того, чтобы не выразить вслухъ изумленія, почему такой сильный умъ въ то же время до того ограниченъ, что даже не догадывается относительно истинной природы и значенія фактовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, или вопросовъ, которые онъ рѣшаетъ; и почему такой безкорыстной характеръ не встрѣчаетъ помѣхи со стороны своихъ собственныхъ чувствъ, невольно проникнутыхъ моральнымъ началомъ, но не предупреждающихъ его о безнравственности и ложности его идей. Таково положеніе опирающагося на математику матеріализма! Я не пытался даже оспаривать г. Конта; его искренность, убѣжденность и ослѣпленіе внушали мнѣ то грустное почтеніе, которое прикрывается молчаніемъ. Нѣсколько времени спустя, онъ написалъ мнѣ

длинное письмо, возобновляя свою просьбу о каѳедрѣ, учрежденіе которой представлялось ему необходимымъ для науки и общества. Если бы я счелъ умѣстнымъ учредить ее, то, конечно, ни на минуту не подумалъ бы дать ему эту каѳедру".

Воспоминанія Гизо, помимо содержащейся въ нихъ характеристики Конта, какъ человѣка искренняго и убѣжденнаго, отлично характеризуютъ и самого Гизо, какъ человѣка не искренняго и способнаго лгать даже самому себѣ. Дѣйствительно, трудно иначе объяснить странную забывчивость знаменитаго историка, привыкшаго къ обращенію съ хронологіей; а между тѣмъ, хронологія доказываетъ, что Гизо вовсе не впервые увидѣлъ Конта въ 1852 году, но еще задолго до этого времени успѣлъ съ нимъ познакомиться и даже, судя по одному письму (напечатанному самимъ Гизо въ числѣ прочихъ документовъ) велъ съ Контомъ „глубокомысленныя философскія бесѣды" (des conversations profondément philosophiques).

Безъ всякаго сомнѣнія, отказъ, полученный Контомъ, былъ продиктованъ не одною „метафизическою злопамятностью" Гизо, но и политической трусостью, и доктринерской сухостью, и министерскимъ выскомѣріемъ. Но въ этомъ случаѣ, различіе убѣжденій все же могло играть роль, въ особенности если примемъ во вниманіе, что Гизо не умѣлъ отличить позитивизмъ отъ матеріализма.

Къ сожалѣнію, Конту пришлось убѣдиться горькимъ опытомъ въ томъ, что и люди, близкіе къ позитивизму по самому характеру своихъ изслѣдованій, а именно представители точныхъ наукъ, относились къ философу крайне недоброжелательно. Эти люди, составлявшіе, по словамъ Конта, его „интеллектуальную семью", оказались злѣйшими врагами. Студенты политехнической школы, правда, относились къ Конту съ любовью и уваженіемъ; но профессора устраивали противъ него всевозможные подкопы и подвохи. Даже крайніе почитатели Конта признаютъ, что философъ былъ высокомѣренъ и неуживчивъ; но самый фактъ интригъ противъ Конта стоитъ внѣ сомнѣнія. Въ 1848 году дошло до того, что совѣтъ Политехнической Школы предложилъ министру замѣнить Конта, по должности экзаменатора, другимъ кандидатомъ, а въ слѣдующемъ году Штурмъ, при которомъ Контъ состоялъ репетиторомъ, предложилъ на его мѣсто другое лицо. Лишившись всѣхъ источниковъ дохода, великій философъ оказался въ положеніи нищаго, который долженъ былъ пользоваться помощью англійскихъ и французскихъ друзей. Многократныя попытки Конта проникнуть въ Академію Наукъ, конечно, потерпѣли неудачу: въ ученомъ мірѣ у него было слишкомъ много враговъ.

Здѣсь не мѣсто описывать исторію развода Конта съ женою и любви къ Клотильдѣ. Смерть Клотильды въ связи съ другими нравственными потрясеніями и альтернативою—умереть или жить подаяніями друзей и почитателей—все это глубоко отразилось на умственномъ состояніи Конта. Можно оспаривать утвержденіе, что Контъ, послѣ смерти Клотильды, вторично „сошелъ съ ума“; но если и не было помѣшательства, то во всякомъ случаѣ, было умственное и нравственное перерожденіе, близкое къ психической болѣзни; а подъ конецъ наступило и настоящее вырожденіе. Извѣстно, что Контъ, сначала установившій годичную торжественную церемонію для преданія анаѳемѣ Наполеона I, послѣ того восторженно привѣтствовалъ переворотъ 2 декабря, ради чего даже поссорился съ своимъ лучшимъ другомъ Литтре. Стоитъ сопоставить этотъ поступокъ съ послѣдними произведеніями Конта, чтобы устранить всякую мысль о полной нормальности его умственныхъ способностей со второй половины 40-хъ годовъ. Тѣ почитатели Конта, которые одинаково благоговѣли передъ всѣми его произведеніями, были правы лишь въ одномъ отношеніи: нѣкоторыя отдѣльныя положенія Конта въ его позднѣйшихъ трудахъ представляютъ дальнѣйшее развитіе идей, отчасти выраженныхъ уже въ его курсѣ, и на ряду съ уродливыми формами, мы порою встрѣчаемъ въ концѣ жизни Конта и дѣйствительно блестящія мысли. Но всѣ прежнія и до новѣйшаго времени повторяющіяся потытки доказать, что въ „Позитивной политикѣ“ и въ „Субъективномъ синтезѣ“ [1]) Контъ далъ истинное завершеніе или вѣнецъ своей системы, убѣждаютъ лишь въ томъ, что есть не мало людей, которые не умѣютъ уважать даже страданій великаго ума и болѣе всего способны преклоняться передъ его вольными и невольными ошибками и заблужденіями.

II.

Если исключить изъ положительной философіи Конта то, что въ ней есть общаго съ ученіями Бэкона, Юма и другихъ предшественниковъ позитивизма, то наиболѣе характерными особенностями ученія Конта окажутся линейная классификація наукъ и законъ трехъ фазисовъ умственнаго развитія.

[1]) Въ какой именно мѣрѣ мысли Конта, развитыя уже въ Курсѣ положительной философіи, послужили основою позднѣйшаго *патологическаго* «субъективизма» было указано мною еще 15 лѣтъ тому назадъ въ статьѣ «Соціологическія идеи Ог Конта» Вѣкъ, 1883. Слѣдующее замѣчаніе могу цитировать: замѣтивъ, что Контъ примѣняетъ идею эволюціи исключительно къ человѣческому роду, я утверждалъ, что «такое одностороннее примѣненіе легко могло привести къ суевѣрному преклоненію передъ верховнымъ существомъ, подъ которымъ Контъ впослѣдствіи подразумѣвалъ человѣческій родъ».

Когда говорятъ о контовской классификаціи наукъ, то часто забываютъ, что эта классификація, по ученію самого Конта, далеко не охватываетъ всей совокупности научнаго знанія, но относится исключительно къ тѣмъ наукамъ, которые Контъ признавалъ абстрактными, тогда какъ классификацію конкретныхъ наукъ онъ считалъ преждевременною. Необходимо, поэтому, начать съ разсмотрѣнія вопроса, насколько правильно и цѣлесообразно самое подраздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, при чемъ слѣдуетъ сначала установить, какой смыслъ придавалъ Контъ термѣну абстрактный.

По опредѣленію Конта, абстрактная наука изслѣдуетъ законы явленій, тогда какъ конкретная изучаетъ существа или предметы. Если выдѣлить математику, которой Контъ предоставляетъ совершенно особое мѣсто, то окажется что „самыя общія, самыя простыя, самыя отвлеченныя и наиболѣе удаленныя отъ человѣчества“ явленія изучаетъ астрономія. Оказывается, такимъ образомъ, что по исключеніи математики, остальныя „абстрактныя“ науки все же обладаютъ не одинаковой степенью отвлеченности. Отсюда уже ясно, что понятіе абстрактности имѣетъ относительный характеръ или, другими, словами, противоположность между абстрактными и конкретными науками не можетъ быть радикальною. Даже абстрактнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, математика, по Конту, не представляетъ цѣлаго, обладающаго всюду одинаковой степенью абстрактности; математика, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ науки: абстрактную математику или анализъ, исчисленіе въ широкомъ значеніи этого слова, и конкретную математику, состоящую, въ свою очередь, изъ геометріи и раціональной механики. Математическій анализъ представляетъ не болѣе, какъ распространеніе естественной логики: геометрія и механика, наоборотъ, по Конту имѣютъ характеръ настоящихъ естественныхъ наукъ, основанныхъ на наблюденіи, хотя, по крайней простотѣ изучаемыхъ ими явленій, эти науки допускаютъ болѣе совершенную степень систематизаціи, что и заставляетъ порою забывать объ опытномъ происхожденіи ихъ основныхъ началъ.

Такимъ образомъ подраздѣленіе математики на абстрактную и конкретную части основано уже не на противовоставленіи явленій — предметамъ, а на противоположеніи логическаго вывода—опыту.

Не смотря на подобныя неясности,— мысль Конта все же въ общемъ ясна, хотя совсѣмъ иной вопросъ—насколько она справедлива. Абстрактныя науки, по Конту, это тѣ, которыя имѣютъ дѣло съ законами явленій, хотя извлеченными изъ изученія дѣйствительности, но въ одинаковой мѣрѣ

совмѣстными и съ такими комбинаціями, которыя, въ дѣйствительности, не наступаютъ. Конкретныя науки, наоборотъ, изучаютъ только тѣ комбинаціи явленій, которыя встрѣчаются въ дѣйствительныхъ объектахъ.

Если мы снова исключимъ математику, о которой придется говорить особо, то нельзя сказать, чтобы легко было подъискать примѣры, вполнѣ поясняющія эту мысль Конта. Такъ напр., Контъ причисляетъ къ абстрактнымъ наукамъ химію, къ конкретнымъ—минералогію. Конечно, никто не скажетъ, чтобы соединеніе, получаемое только въ лабораторіи или, вообще, искусственнымъ путемъ было болѣе „абстрактнымъ", нежели любой минералъ, встрѣчающійся въ природѣ. „Абсолютный" спиртъ, такъ какъ его „абсолютность" признается не въ метафизическомъ смыслѣ этого слова, а лишь какъ приблизительная чистота препарата, не болѣе „абстрактенъ", чѣмъ полевой шпатъ или гранитъ; пока химія только описываетъ тѣ или иныя вещества, она ничуть не отвлеченнѣе минералогіи. Химія становится абстрактною наукою лишь съ того момента, когда вводитъ отвлеченныя понятія объ элементахъ, объ идеально-однородныхъ тѣлахъ, идеально-чистыхъ соединеніяхъ, объ атомахъ, частицахъ и т. п. Но вѣдь и минералогія не обречена на вѣчную участь чисто-описательной науки Ничто не препятствуетъ и ей вводить отвлеченныя понятія; она пользуется абстракціями, разсуждая теоретически о формахъ которымъ дѣйствительные кристаллы никогда не удовлетворяютъ. Если минералогія пользуется физикой и механикой, то вѣдь и химія прибѣгаетъ къ ихъ помощи, да и кристаллическое строеніе далеко не безразлично для химика: достаточно напомнить о работахъ Пастера, послужившихъ основою стереохиміи. Не смотря на разъясненія комментаторовъ и на полемику, направленную противъ Конта Спенсеромъ, вопросъ о подраздѣленіи наукъ на абстрактныя и конкретныя далеко еще нельзя считать исчерпаннымъ и мы считаемъ поэтому необходимымъ на немъ остановиться съ нѣкоторою подробностью.

По ученію Конта абстрактныя науки имѣютъ дѣло съ законами, отъ которыхъ зависятъ и всѣ дѣйствительно совершающіяся явленія, и тѣ, которыя существуютъ лишь какъ наши умственныя комбинаціи. Замѣтимъ, прежде всего, что это ученіе Конта порой затемняется примѣрами приводимыми съ цѣлью его поясненія. Такъ напр., когда говорятъ, что химія, какъ абстрактныя наука, занимается большею частью соединеніями, получаемыми только въ лабораторіяхъ, тогда какъ конкретная наука—минералогія, вовсе не изучаетъ искуственныхъ соединеній, а лишь тѣ, которыя существуютъ въ природѣ,—когда приводятъ этотъ примѣръ, то мысль Конта мало выигрываетъ въ ясности. Было уже замѣчено, что

искуственное химическое соединеніе нисколько не болѣе абстрактно, чѣмъ любой минералъ. Мы гораздо ближе подойдемъ къ настоящей мысли Конта, если замѣтимъ, что многія химическія соединенія и многія простыя тѣла существовали первоначально лишь въ головахъ теоретиковъ и лишь впослѣдствіи были обнаружены опытнымъ изслѣдованіемъ. Такъ, ученіе о гомологахъ позволяетъ предсказывать существованіе многихъ соединеній раньше, чѣмъ они были кѣмъ либо добыты; таковы же многія предсказанія, относящіяся къ различнымъ производнымъ; таковы, наконецъ знаменитыя предсказанія Менделѣева относительно недостающихъ членовъ его періодической системы, оправданныя открытіями Лекокъ-де-Буабодрана, Винклера и др. Теоретическая химія, оперирующая надъ отвлеченными понятіями и надъ ихъ символами— химическими фомулами дѣйствительно, является абстрактной наукой, хотя и опирающейся въ концѣ концовъ (какъ и всѣ вообще, науки) на данныя опыта и требующей постоянной опытной провѣрки. Это не мѣшаетъ существованію конкретной химіи, которая является не только матеріаломъ всякой химической теоріи, но и необходимымъ средствомъ провѣрки теоретическихъ положеній. Нельзя, поэтому, усвоить мнѣніе Спенсера, который полагаетъ, что такъ какъ химія „расматриваемая, какъ наука“ (т. е. теоретическая или абстрактная химія) изучаетъ лишь явленія строенія и молекулярныхъ превращеній“, то отсюда будто-бы вытекаетъ, что химикъ описываетъ свойства того или иного вещества „лишь въ видахъ отожествленія“. Въсамомъ дѣлѣ описаніе такихъ свойствъ, какъ кристаллическаяформа, удѣльный вѣсъ, преломляемость составлиетъ необходимое основаніе химической теоріи, безъ котораго и самое зданіе теоріи рискуетъ обрушиться, какъ рухнули ученія древнихъ философовъ о стихіяхъ, основанныя на недостаточномъ изученіи свойствъ ограниченнаго числа веществъ.

Но если аботрактная химія лишь условно можетъ быть отдѣлена отъ конкретной химіи, то отсюда ясно, что противоположеніе химіи какой либо конкретной наукѣ, напр. минералогіи, не можетъ быть признано основнымъ: приходится искать иныхъ отличительныхъ признаковъ. Трудность противопоставленія химіи какъ „абстрактной“ науки — минералогіи, какъ наукѣ „конкретной“, станетъ еще очевиднѣе, когда мы убѣдимся въ томъ, что и минералогія имѣетъ свой „абстрактный“ отдѣлъ. Дѣйствительно, основаніемъ минералогіи является ученіе о кристаллическихъ формахъ или кристаллологія, оперирующая не только надъ реальными кристаллами, но и надъ идельными кристаллическими формами. Ученіе объ этихъ идеальныхъ формахъ есть наука вполнѣ абстрактная, имѣющая даже математическій характеръ.

Если, для большей точности параллелизма, мы сопоставимъ

минералогію лишь съ такъ называемой „неорганической химіей“, то окажется, что пока рѣчь идетъ о конкретныхъ отдѣлахъ обѣихъ наукъ, между ними трудно провести ясную пограничную черту. Такъ напр., описаніе свойствъ алмаза, кварца, самороднаго золота можетъ, съ одинаковымъ удобствомъ, быть отнесено и къ описательной „неорганической“ химіи и къ описательной минералогіи. Что касается такъ часто подчеркиваемаго различія между „естественными“ и „искусственными“ соединеніями, оно имѣло значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока химія не достигла способовъ искусственнаго полученія многихъ минераловъ. Достаточно напомнить, что Сенармонъ получилъ искусственный кварцъ помощью нагрѣванія студенистой кремневой кислоты съ водой при высокомъ давленіи и что, подобнымъ же образомъ, были получены Фриделемъ, Саразеномъ, Хрущевымъ и др. многочисленные минералы. Такъ напр. въ лабораторіяхъ искуственно добывали красную (хромовую) свинцовую руду, волластонитъ, ортоклазъ и мног. др.

Дѣйствительное различіе между минералогіей и „неорганической“ или хотя бы „минеральной“ химіей является лишь тамъ, гдѣ *обѣ* эти науки переходятъ отъ конкретной стадіи къ абстрактной. Теоретическая минералогія отличается отъ теоретической химіи не какъ конкретная наука отъ абстрактной: ученіе о кристаллической структурѣ не менѣе абстрактно. чѣмъ ученіе о химическомъ строеніи. Существенное отличіе обѣихъ наукъ состоитъ въ различіи тѣхъ абстрактныхъ понятій, надъ которыми оперируетъ каждая изъ нихъ. Конечно, описательная минералогія, а черезъ ея посредство и теоретическая, не могутъ обойтись безъ содѣйствія физики и химіи; точно такъ же, какъ въ свою очередь, теоретическая химія пользуется данными не только физики, но и абстрактной минералогіи (кристаллическая форма тѣлъ имѣетъ важное значеніе для многихъ химическихъ теорій). Право минералогіи на самостоятельность имѣетъ основаніе; но право это доставляется исключительно *морфологіей* (напр. ученіемъ о кристаллическихъ формахъ) *и исторіей развитія минераловъ*. Морфологическіе признаки минераловъ отличаютъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ тѣлъ, исторія же развитія изслѣдуетъ способы происхожденія тѣхъ или иныхъ тѣлъ и полагаетъ основаніе ихъ естественно-исторической группировкѣ. Исходя изъ генетическаго принципа, мы, въ концѣ концовъ, все-же вынуждены выработать абстракціи, обозначаемыя именами „естественныхъ“ видовъ, родовъ, отрядовъ и т. п., съ цѣлью прійти, такимъ образомъ, къ генеалогической классификаціи, составляющей вѣнецъ всякой „естественно-исторической науки“. Съ этой точки зрѣнія, минералогія противополагается біологическимъ наукамъ, поскольку онѣ изучаютъ тѣ или иные растительные и животные типы; и она противопола-

гается химіи, какъ наукѣ, изучающей всякое тѣло въ его составныхъ частяхъ, а не въ историческомъ развитіи; однако, и это противоположеніе нельзя считать безусловнымъ съ тѣхъ поръ, какъ явились попытки изслѣдовать исторію развитія всякаго вещества, въ томъ числѣ и простыхъ тѣлъ или „химическихъ элементовъ“. Для выясненія взглядовъ Конта на абстрактныя и конкретныя науки слѣдуетъ, поэтому, оставить въ сторонѣ такія науки, какъ химію и минералогію и выбрать болѣе рѣзкій примѣръ, противополагая напр. *физику* минералогіи, какъ „чисто-абстрактную“ науку— наукѣ будто-бы чисто-конкретной. Различіе состоитъ въ томъ, что изучая виды и превращенія энергіи, физика разсматриваетъ тѣ или иныя тѣла въ ихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ, тогда какъ минералогія, даже въ своей теоретической части, пытается дать объясненіе всѣмъ доступнымъ изслѣдованію свойствамъ всѣхъ аггрегатовъ, подлежащихъ ея изученію, т. е. составныхъ частей земной коры. Физика вовсе не имѣетъ дѣла съ понятіемъ эволюціи, т. е. постепеннаго развитія тѣхъ или иныхъ аггрегатовъ: она принимаетъ тѣла и ихъ свойства за данныя величины; этимъ она рѣзко противополагается той группѣ наукъ, которыя, какъ показалъ впервые Спенсеръ, объединяются понятіемъ объ эволюціи. Спенсеръ лишь затемнилъ свою мысль, назвавъ физику „абстрактно-конкретной“ наукой въ противоположность будто-бы чисто „конкретнымъ“ наукамъ, изслѣдующимъ аггрегаты, какъ продукты эволюціи [1]).

Изъ сказаннаго выше само собою вытекаетъ, что указанное Контомъ подраздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя никакъ не можетъ быть признано основнымъ. Самъ Контъ допускалъ уже разныя ступени абстрактности; и мы видѣли, что науки, признаваемые Контомъ и его послѣдователями (напр. Миллемъ) абстрактными, состоятъ изъ абстрактной и конкретной части, а науки, признаваемыя конкретными, какъ напр. минералогія, въ свою очередь, имѣютъ абстрактную часть (ученіе о кристаллическихъ формахъ). Мы видѣли, что гораздо болѣе основнымъ принципомъ классификаціи является (если ограничимся на время лишь естествознаніемъ) противопоставленіе наукъ, изучающихъ отдѣльныя, всегда тожественныя, проявленія тѣхъ или иныхъ формъ энергіи — наукамъ, изучающимъ тѣ или иные виды тѣлъ, разсматриваемые какъ продукты эволюціи, т. е. какъ результаты самыхъ разнообразныхъ, вѣчно измѣнчивыхъ комбинацій матеріи и движенія. Съ этой точки зрѣнія мы примыкаемъ къ взглядамъ Спенсера, хотя и не считаемъ возможнымъ

[1]) Конечно, каждый вправѣ пользоваться придуманной имъ терминологіей, но термины «абстрактный» и «конкретный» слишкомъ установились для того, чтобы пользоваться ими въ смыслѣ, рѣзко отличающемся отъ общепринятаго.

усвоить его сбивчивую терминологію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы вновь считаемъ необходимымъ подчеркнуть, что способъ образованія понятій, т. е. перехода отъ конкретнаго къ все болѣе и болѣе абстрактному, совершенно одинаковъ для обѣихъ группъ естественныхъ наукъ, да и вообще, для всѣхъ существующихъ наукъ [1]). Какъ бы ни были различны самыя понятія, процессъ отвлеченія всегда одинаковъ; и именно поэтомураздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя можетъ быть только условнымъ. Оно существенно зависитъ отъ стадіи развитія, достигнутой въ данное время той или иной наукой, что отчасти было признано уже самимъ Контомъ при установкѣ понятія объ эмпирическомъ и раціональномъ состояніи различныхъ наукъ.

III.

Обратимся теперь къ знаменитой іерархіи наукъ или „энциклопедической формулѣ“, классифицирующей тѣ науки, которыя Контъ назвалъ абстрактными. Самъ Контъ, однако, признавалъ, что его классификація не представляетъ чего-либо законченнаго и въ послѣднихъ главахъ своего „Курса“ ясно подчеркнулъ *единство науки*, какъ совокупности всѣхъ абстрактныхъ, конкретныхъ и даже прикладныхъ отраслей знанія. Спенсеръ, полемизируя противъ Конта, не обратилъ достаточнаго вни-

---

[1]) Изъ русскихъ трудовъ, отстаивающихъ—хотя и съ большими ограниченіями и существенными—поправками, классификацію Конта, наиболѣе серьезное значеніе имѣетъ чрезвычайно интересный трудъ В. Лесевича, Опытъ критическаго изслѣдованія осново-началъ позитивной философіи. Спб. 1877 Ниже будетъ указана попытка В Лесевича исправить также теоріи нашихъ соціологовъ-субъективистовъ и привести ихъ (конечно, въ исправленномъ видѣ) въ согласіе съ подраздѣленіемъ наукъ на абстрактныя и конкретныя. Здѣсь, однако, уже необходимо отмѣтить, что В. Лесевичъ не усматриваетъ въ противоположности абстрактныхъ наукъ—конкретнымъ чего-либо «основного» и вполнѣ допускаетъ, что обѣ группы наукъ «въ точномъ значеніи этого слова» абстрактны. По словамъ В. В. Лесевича: «Мы можемъ отдавать первенство или знанію частей, или знанію цѣлаго; цѣль наша въ первомъ случаѣ, заключается въ образованіи понятій объ отдѣльныхъ конкретныхъ группахъ представленій... во второмъ, мы ставимъ себѣ цѣлью выработку самого общаго, высшаго понятія. Съ этихъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія образованныя группы, будучи пріурочены къ двумъ противоположеннымъ полюсамъ общей системы знанія, получаютъ не только различный, но *въ извѣстномъ смыслѣ* (курсивъ нашъ) и противоположный характеръ. и хотя обѣ *абстрактныя* въ точномъ значеніи этого слова. *но условно* (курсивъ нашъ) могутъ быть названы. первая, по тяготѣнію къ высочайшей абстракціи—абстрактною группою, вторая, по тяготѣнію къ представленіямъ—*конкретной*. Въ этомъ смыслѣ и можно принять установленіе Ог. Контомъ дѣленіе *наукъ* (т е. группъ понятій) на *абстрактныя и конкретныя*, хотя само собою разумѣется, дѣленіе это *совершенно измѣняетъ, послѣ изложеннаго выше объясненія, свой основной характеръ*». (Курсивъ нашъ). Изъ всего, что сказано нами въ текстѣ, читатель видитъ, что мы еще рѣзче, чѣмъ В. В Лесевичъ, оттѣняемъ тѣ ограниченія, которыя содержатся въ подчеркнутыхъ нами словахъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзче подчеркивается и указанная уже В. Лесевичемъ невозможность противополагать «методы образованія понятій» въ обѣихъ группахъ наукъ, различающихся лишь «точкою зрѣнія». Къ различію «точекъ зрѣнія» мы еще вернемся, при обсужденіи вопроса о «субъективномъ методѣ» въ примѣненіи къ соціологіи.

манія на то обстоятельство, что Контъ, въ своей классификаціи, не задавался главною цѣлью согласовать эту классификацію съ исторіей науки, но преслѣдовалъ и другія цѣли. Но самъ Спенсеръ не могъ-бы строго выдержать генетическій принципъ. Въ соотвѣтствіи съ своей эволюціонной теоріей, Спенсеръ первоначально задался цѣлью прослѣдить *генезисъ* науки; само собою разумѣется, что изслѣдованіе этого генезиса не могло оказаться въ соотвѣтствіи съ его требованіями классификаціи. Исторія развитія идей представляетъ еще болѣе запутанныя отношенія, чѣмъ исторія развитія живыхъ существъ; „естественной" классификаціей организмовъ была бы ихъ полная родословная; но такая классификація есть лишь идеалъ, къ которому мы можемъ приблизиться только въ несовершенной степени. Умъ нашъ требуетъ обособленія типовъ и не способенъ вмѣстить безконечнаго числа связующихъ звеньевъ. При „естественной" классификаціи различныхъ группъ понятій приходится отбрасывать множество связующихъ идей и на ряду съ генетическимъ принципомъ руководствоваться другими,—степенью сложности и абстрактности понятій, ихъ взаимною связью и чисто практическими требованіями. Впрочемъ, подчеркнутая уже Контомъ болѣе или менѣе непосредственная связь той или иной науки съ человѣческомъ благосостояніемъ обнаруживается и въ самой послѣдовательности развитія тѣхъ или иныхъ наукъ. Всѣ эти трудности генетическаго принципа были ясно усмотрѣны Контомъ: устанавливая свою энциклопедическую формулу, онъ вовсе не утверждалъ ея *полнаго* соотвѣтствія съ исторіей науки. Такого соотвѣтствія Контъ не допускалъ уже потому, что строго отличалъ „догматическій" способъ изложенія науки отъ ея исторіи, которую не считалъ возможнымъ отдѣлять отъ общей исторіи умственнаго развитія и вообще отъ общей исторіи человѣчества [1]).

Можно было-бы возразить на это ссылкою ихъ тѣ мѣста I тома Курса положительной философіи, гдѣ Контъ утверждаетъ „общее соотвѣтствіе" энциклопедическаго ряда съ исторіей науки, разсматриваемой, какъ цѣлое. Контъ и дѣлаетъ оговорку относительно непрерывной совмѣстности (simultanéité) развитія различныхъ наукъ, подчеркивая лишь то обстоятельство, что науки, постановленныя имъ въ началѣ іерархическаго ряда, все же оказываются „болѣе древними и болѣе подвинувшимися впередъ", нежели послѣдующіе члены ряда.

Безъ сомнѣнія, Контъ не всегда въ достаточной степени цѣнилъ значеніе взаимодѣйствія между науками, различными по іерархическому положенію въ его классификаціи; безспорно также, что на са-

[1]) Сравн Cours, Vol. IV, 324—325 изд 1869 года.

момъ дѣлѣ исторія науки еще болѣе сложна, чѣмъ думалъ Контъ. Такъ напр., нѣкоторыя отрасли біологическихъ наукъ получили уже значительное развитіе у Аристотеля въ то время, когда химія не существовала, а физика находилась въ младенческомъ состояніи. Тотъ-же Аристотель установилъ понятіе мѣновой цѣнности въ противоположность полезности и указалъ на нѣкоторые законы общественной жизни, а стало быть положилъ основаніе научной соціологіи—въ эпоху, когда напр. минералогія ограничивалась составленіемъ грубыхъ описаній. Такимъ образомъ энциклопедическая формула Конта менѣе всего способна выразить исторію наукъ, и своей ссылкой на соотвѣтствіе ея съ исторіей, Контъ лишь далъ оружіе критикамъ. По адресу этихъ послѣднихъ можно возразить, что вовсе не въ этомъ главное значеніе классификаціи, какъ она понимается Контомъ. [1]) Иной вопросъ, можно ли такую классификацію, завѣдомо не согласную съ генетическимъ принципомъ, считать вполнѣ удовлетворительною. Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣетъ въ виду классификація. Всякая классификація, какъ замѣчаетъ Спенсеръ, должна заключать въ одинъ классъ предметы, имѣющіе между собою больше общихъ признаковъ, чѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ со всѣми остальными предметами, не входящими въ разсматриваемой классъ; но такъ какъ число признаковъ неограничено, то необходимо знать, какіе признаки считать *существенными* для классификаціи; а въ этомъ скрывалась, до утвержденія эволюціонной теоріи, Сцилла и Харибда всѣхъ классификацій, даже тѣхъ, которыя считали себя „естественными“. И когда самъ Спенсеръ классифицируетъ науки на два рода—науки, занимающіяся абстрактными отношеніями и изучающія самиявленія, а затѣмъ подраздѣляетъ эти послѣднія снова на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна изучаетъ отдѣльные факторы а другая совокупность явленій, то мы вправѣ спросить: въ чемъ основаніе длятакого дѣленія? Соотвѣтствуетъ-ли оно истиной исторіи развитія идей или же является лишь распредѣленіемъ образовавшихся уже группъ понятій, независимо отъ исторіи ихъ происхожденія? Если примемъ во вниманіе, что къ группѣ наукъ, изучающихъ абстрактныя отношенія, Спенсеръ причисляетъ лишь логику и математику, въ группу наукъ изучающихъ явленія въ ихъ элементахъ включаетъ механику, физику и химію, а къ чисто „конкретнымъ“ наукамъ причисляетъ астрономію, геологію, біологію, психологію и соціологію, то мы увидимъ, что такое подраздѣленіе имѣетъ такъ же мало общаго съ историческимъ генезисомъ идей, какъ и классификація Конта. Такъ напр. астрономія, біологія и даже

[1]) Точно также напр. классификація живущихъ теперь организмовъ не соотвѣтствуетъ генеалогіи органическаго міра. Контъ, однако не зналъ, что именно въ этомъ ея недостатокъ, частью устранимый съ помощью палеонтологіи.

психологія и соціологія въ эпоху Аристотеля стояли на сравнительно высокой ступени по сравненію съ физикой и химіей. Трактатъ Аристотеля „О душѣ“ можетъ быть смѣло поставленъ выше психологическихъ трактатовъ XVII вѣка, тогда какъ въ области физики Аристотель стоитъ гораздо ниже Декарта и Паскаля. Точно также ботаническія сочиненія Θеофраста указываютъ уже на значительную зрѣлость мышленія въ эпоху, когда химія ограничивалась ученіемъ о стихіяхъ.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы классификація, по возможности приспособленная къ исторіи наукъ, не имѣла значенія; наоборотъ, мы полагаемъ, что именно такая классификація *должна быть вѣнцомъ* исторіи науки. Но та или иная группировка научныхъ теорій и знаній въ ихъ современномъ состояніи настоятельно необходима для дидактическихъ (или, по выраженію Конта, догматическихъ) цѣлей; а такая классификація, по необходимости, будетъ отрывочной и вѣчно измѣняющейся, въ зависимости отъ развитія тѣхъ или иныхъ отраслей знанія. Это пунктъ, отмѣченный Спенсеромъ еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ Контомъ, хотя на такое замѣчаніе прямо могла-бы натолкнуть Спенсера его эволюціонная теорія. Всякая классификація наукъ, не задающаяся цѣлью установить историческую преемственность идей, по необходимости выражаетъ лишь временное и преходящее состояніе науки. Общая картина научнаго знанія измѣняется въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, а сообразно съ этимъ придется перестраивать и наши классификаціи, какъ бы онѣ ни были удовлетворительны для современной эпохи. И самое большее, что можетъ сдѣлать философъ, это дать классификацію, до нѣкоторой степени предвосхищающую фактическое развитіе науки; а съ этой точки зрѣнія классификація Конта одна изъ самыхъ удачныхъ *для своего времени.*

Мы приходимъ такимъ образомъ къ выводу, что если исключить вопросъ о классификаціи, возможно полно выражающей истинный генезисъ идей (т. е. о единственной классификаціи, заслуживающей названія естественной системы, хотя идеалъ ея очевидно недостижимъ), то единственнымъ основаніемъ для сужденія о годности всякой иной классификаціи можетъ быть ея значеніе, какъ системы понятій, и соотвѣтствіе ея дидактическимъ цѣлямъ, т. е. облегченію усвоенія и дальнѣйшаго развитія тѣхъ или иныхъ группъ понятій. Съ этой точки зрѣнія, терминъ Конта, т. е. наименованіе іерархическаго ряда „энциклопедической формулой“, слѣдуетъ признать удачнымъ, такъ какъ классификація должна формулировать состояніе всего круга наукъ въ ихъ существующемъ видѣ, и въ то же время послужить стимуломъ для воздѣйствія однѣхъ группъ наукъ на другія.

Эта послѣдняя, реформаторская часть задачи наиболѣе обратила на себя вниманіе Конта и она, дѣйствительно, является важнѣйшею; такъ какъ въ историческихъ наслоеніяхъ, по скольку они выражаются въ состояніи современной науки, можетъ быть много нераціональнаго и задерживающаго дальнѣйшіе успѣхи научнаго знанія—даже независимо отъ присутствія въ наукѣ какихъ-либо теологическихъ и метафизическихъ элементовъ. Съ точки зрѣнія Конта, классификація наукъ является, поэтому, не только пассивнымъ отраженіемъ или простымъ описаніемъ дѣйствительнаго состоянія современной науки, но и результатомъ активнаго воздѣйствія философіи на науку.

IV.

Здѣсь мы неизбѣжно наталкиваемся на вопросъ объ относительномъ значеніи тѣхъ или иныхъ группъ научныхъ понятій. Классификація наукъ должна отдѣлить второстепенное отъ главнаго, опредѣлить роль, принадлежащую тѣмъ или инымъ областямъ знанія, указать степень подчиненности однѣхъ наукъ другимъ, или же характеръ ихъ взаимной зависимости.

Контъ представлялъ себѣ взаимную зависимость наукъ по преимуществу въ видѣ іерархическаго подчиненія однихъ членовъ ряда другимъ. Быть можетъ французская политическая система, по которой государство представляло (а частью представляетъ и теперь) родъ іерархической арміи, въ связи съ тою самою „теолого-метафизическою“ іезуитскою школою, которую Конту, какъ и всякому французу, пришлось пройти въ юности—быть можетъ все это развило у философа излишнее пристрастіе къ іерархическимъ группировкамъ. Несомнѣнно, однако, что у Конта были на то и чисто теоретическія основанія. Подраздѣливъ всѣ науки на абстрактныя и конкретныя, Контъ усмотрѣлъ относительность понятія объ абстрактномъ и призналъ разныя степени абстракціи. Отсюда не трудно было прійти къ выводу, что всѣ „абстрактныя“ науки могутъ быть расположены въ рядъ, смотря по *степени* ихъ абстрактности, причемъ наиболѣе отвлеченныя науки должны были оказаться во главѣ ряда. Такъ произошла знаменитая „энциклопедическая формула“, включающая шесть основныхъ наукъ. „Въ концѣ концовъ, говоритъ Контъ, математика, астрономія, физика, химія, физіологія и соціальная физика (начиная съ IV тома курса, названная имъ соціологіей) такова энциклопедическая формула, которая, въ числѣ множества классификацій, относящихся къ шести основнымъ наукамъ, есть единственная, логически сообразная съ естественной и неизмѣнной іерархіей явленій“.

Изъ этихъ словъ Конта ясно, что онъ считалъ свою классификацію выраженіемъ не только группировки *понятій* по степени абстрактности, но и группировки самыхъ *явленій*, которымъ соотвѣтствуютъ наши понятія. При выводѣ этой формулы Контъ все время разсуждаетъ о степени простоты или (что по его мнѣнію одно и то-же) степени общности *явленій*. Такъ, по его словамъ, явленія неорганическихъ тѣлъ въ одно и то же время болѣе просты и болѣе общи, чѣмъ явленія жизни; изъ явленій, изучаемыхъ неорганической физикой (въ самомъ обширномъ значеніи этого слова), наиболѣе простыми и въ то же время наиболѣе общими оказываются астрономическія явленія; Контъ считаетъ ихъ также „наиболѣе отвлеченными изъ всѣхъ". Наконецъ, земная физика, въ свою очередь, можетъ изучать явленія съ механической или же съ химической точки зрѣнія; первыя болѣе общи, болѣе просты и болѣе абстрактны. Изъ всѣхъ явленій, доступныхъ нашему изученію, наиболѣе частныя, самыя сложныя, самыя конкретныя и, наконецъ, представляющія наиболѣе прямой интересъ для человѣка, это явленія, разсматриваемыя соціальной физикой (соціологіей). Такимъ образомъ, Контъ считаетъ доказаннымъ, что по степени простоты, общности и абстрактности, во главѣ іерархическаго ряда должна быть поставлена астрономія, а послѣднее мѣсто занимаетъ соціальная физика. Что касается математики, науки еще болѣе абстрактной, чѣмъ астрономія, она занимаетъ совсѣмъ особое положеніе, являясь основаніемъ или главнымъ орудіемъ всей положительной философіи.

Итакъ, несомнѣнно, Контъ допускалъ, что его классификація не только выражаетъ степень усложненія понятій, но и даетъ принципъ іерархизаціи самыхъ *явленій*. Чѣмъ болѣе общи, просты и отвлеченны „явленія",—тѣмъ менѣе они, по мнѣнію Конта, зависятъ отъ другихъ явленій, тѣмъ болѣе точными могутъ быть относящіяся къ нимъ знанія и тѣмъ скорѣе достигается совершенство этихъ знаній. Поэтому іерархическій рядъ наукъ служитъ въ то же время и общимъ планомъ для раціональнаго научнаго образованія. Въ этихъ разсужденіяхъ Конта есть уязвимый пунктъ—малое вниманіе къ тому взаимодѣйствію между науками, которое онъ хотя и признавалъ, но не въ достаточной степени; этотъ пунктъ и послужилъ Спенсеру точкой опоры для его полемики противъ Конта и нельзя сказать, чтобы Литтре, Миллю и другимъ сторонникамъ Конта удалось побѣдоносно отразить критику Спенсера [1]). Спенсеръ, конечно, ошибся,

[1]) В. Лесевичъ въ цитированномъ выше трудѣ (стр. 207 и слѣд.) также становится на сторону Конта, но не безусловно. Такъ онъ рѣшительно отвергаетъ намѣченную Контомъ (и еще болѣе развитую Литтре) іерархизацію объекта, въ чемъ сходится съ Спенсеромъ, который указалъ, что напр. явленія теплоты, относимыя всѣми въ область физики, никакъ не менѣе общи, нежели явленія тяготѣнія, изучаемыя

основывая свою полемику, главнымъ образомъ, на генезисѣ науки; въ его собственной классификаціи генетическій принципъ не играетъ роли и сверхъ того Контъ показалъ, что полная исторія науки возможна лишь въ связи съ исторіей мысли въ обширномъ смыслѣ слова и, вообще, всей исторіей человѣчества. Контъ ясно подчеркнулъ и то обстоятельство, что его классификація имѣетъ умозрительный характеръ; тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы Миллю и другимъ сторонникамъ Конта удалось лишить доводы Спенсера всякаго значенія и доказать, что формула Конта, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ цѣлямъ изученія и избираетъ вѣрныя средства для достиженія этихъ цѣлей. Даже съ чисто дидактической точки зрѣнія, классификація Конта далеко не безупречна, т. е. не даетъ раціональнаго плана изученія наукъ. Дѣйствительно, кому извѣстно, какое могущественное содѣйствіе оказываютъ послѣдующіе члены іерархическаго Контовскаго ряда—предъидущимъ членамъ, тотъ никогда не рѣшится утверждать, что напр. математика менѣе обязана физикѣ и механикѣ, чѣмъ эти науки—математикѣ. Механика и физика не только доставляли и доставляютъ математикѣ задачи, которыхъ она не была бы въ состояніи придумать a priori, но весьма часто указываютъ ей вѣрный путь изслѣдованія и приводятъ къ открытію такихъ математическихъ методовъ, которые иначе едва-ли могли бы прійти кому-либо въ голову: достаточно напомнить о теоріи потенціала. Можно смѣло сказать, что величайшія

астрономіей. В. Лесевичъ замѣчаетъ, что догматизмъ Конта, дѣйствительно, позволилъ Спенсеру обвинить Конта «въ основной ошибкѣ обыденнаго мышленія, утверждая, что Контъ считалъ *понятія* о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія *представляющими* реальности въ природѣ, т. е. смѣшивалъ понятія и представленія». Правда, В. Лесевичъ затѣмъ утверждаетъ, что Спенсеръ самъ «впалъ въ еще большую ошибку, не введя въ свою аргументацію упоминанія о капитальномъ дѣленіи наукъ на абстрактныя и конкретныя». Но съ этимъ замѣчаніемъ уважаемаго В. В. Лесевича я могу согласиться лишь условно, такъ какъ Спенсеръ, какъ въ «Генезисѣ науки», такъ и въ другихъ статьяхъ, ясно указалъ на то, что термины «абстрактный» и «конкретный» понимаются имъ иначе, чѣмъ Контомъ и что капитальное, съ точки зрѣнія Конта, дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя должно быть замѣнено совсѣмъ инымъ, при которомъ біологія и соціологія попадутъ въ категорію конкретныхъ наукъ. Наше личное мнѣніе объ абстрактномъ и конкретномъ, какъ видно изъ предъидущаго, отличается отъ мнѣнія Спенсера не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ отъ мнѣнія Конта. Усматривая въ біологіи, минералогіи и др. наукахъ абстрактныя понятія и положенія, мы въ то же время не считаемъ возможнымъ провести сколько нибудь рѣзкую границу между абстрактною и конкретною частью біологіи и вообще какой бы то ни было науки. Впрочемъ и В. Лесевичъ замѣчаетъ (стр. 226), что Контъ слишкомъ узко поставилъ вопросъ объ отношеніи между абстрактными и конкретными науками и ошибочно противоположилъ методъ *образованія понятій* въ обоихъ разрядахъ наукъ. В. Лесевичъ идетъ даже далѣе, допуская, что конкретная наука можетъ соединять понятія не въ группы, соотвѣтствующія частнымъ конкретнымъ группамъ, а въ группы чисто умозрительныя и такимъ образомъ возводится, оставаясь конкретною, на степень науки философской. (Тамъ же стр. 229). Но если такъ, то дѣленіе наукъ на конкретныя и абстрактныя приводится къ различію между изслѣдованіемъ *отдѣльныхъ факторовъ и явленія, взятаго въ цѣломъ*, что соотвѣтствуетъ спенсеровскому противопоставленію наукъ конкретныхъ и конкретно-абстрактныхъ. Примѣръ химіи показываетъ что и это дѣленіе не можетъ быть строгимъ.

математическія открытія были вызваны именно воздѣйствіемъ ближайшихъ, слѣдующихъ за математикой наукъ „іерархическаго ряда". Въ самой математикѣ, величайшія открытія анализа очень часто внушались геометріей. Раціональнымъ планомъ изученія наукъ является, поэтому, такой, который ни на минуту не упускаетъ изъ виду тѣснѣйшаго взаимодѣйствія между различными отраслями знанія, вытекающаго, въ концѣ концовъ, изъ признаваемаго и порою даже подчеркиваемаго самимъ Контомъ *единства науки*.

Установивъ іерархическій рядъ изъ пяти основныхъ наукъ, которыя можно было бы назвать „естественными" въ обширномъ смыслѣ этого слова, Контъ поставилъ особо шестую науку—математику. Эта наука, по его словамъ, является не столько составною частью естественной философіи, сколько истиннымъ основаніемъ такой философіи или точнѣе, она есть вмѣстѣ и составная часть и основаніе. Математика важна не столько по составляющимъ ее знаніямъ, сколько тѣмъ, что является самымъ могущественнымъ орудіемъ ума для отысканія законовъ явленій. Не смотря на основное значеніе, придаваемое Контомъ математикѣ, какъ *орудію* научнаго изслѣдованія, уже изъ этихъ заключеній Конта становится яснымъ, что онъ не придавалъ математикѣ значенія какой-то верховной науки, по ея цѣлямъ и даже методамъ. Уже въ первомъ томѣ „Курса" есть отдѣльныя указанія на то, что роль такой высшей науки играетъ въ его системѣ соціологія, и если, въ его энциклопедической формулѣ, соціологіи принадлежитъ послѣднее мѣсто, то лишь въ томъ смыслѣ, что соціологія, какъ сложнѣйшая и наиболѣе „конкретная" изъ всѣхъ абстрактныхъ наукъ, позднѣе всѣхъ прочихъ способна вступить въ позитивный фазисъ. По мѣрѣ продолженія работы, Контъ все болѣе и болѣе утверждался въ мысли, что истинно-философскую точку зрѣнія, охватывающую всю совокупность научныхъ знаній, способна доставить лишь позитивная соціологія. Такимъ образомъ, оказалось, что даже съ точки зрѣнія метода, соціологическая точка зрѣнія превосходитъ математическую. Тѣмъ болѣе это справедливо, если мы обратимся къ разсмотрѣнію самаго матеріала соціологіи. Какъ наименѣе абстрактная и наименѣе аналитическая изъ всѣхъ отдѣловъ позитивной философіи, соціологія является и естественнымъ переходомъ отъ философіи къ эстетикѣ, къ техническимъ знаніямъ и къ практической дѣятельности [1]).

[1]) Л. Н. Толстой въ предисловіи къ очерку Карпентера «Современная наука» говоритъ о контовской и «другихъ (какихъ?) классификаціяхъ наукъ», что классификаціи эти «не руководятъ выборомъ предметовъ изученія; выборомъ-же руководятъ слабости человѣческія, свойственныя, какъ и всѣмъ, людямъ науки. Такъ что, въ дѣйствительности, люди опытной науки изучаютъ не *все*, какъ они воображаютъ и утверждаютъ, а то, что болѣе выгодно и легко изучать. Болѣе же выгодно изучать то, что можетъ содѣйствовать благосостоянію тѣхъ высшихъ классовъ, къ которымъ принадлежатъ люди, занимающіеся наукой; болѣе же легко изучать—все неживое.

Какъ мало Контъ былъ склоненъ отдавать предпочтеніе математическому методу, доказывается его отношеніемъ къ Брюстеру. Этотъ извѣстный ученый и историкъ науки былъ однимъ изъ первыхъ мыслителей, до нѣкоторой степени оцѣнившихъ значеніе „Курса положительной философіи“. По появленіи первыхъ томовъ, Брюстеръ написалъ о нихъ рецензію, и не смотря на то, что, какъ физикъ, могъ легче всего оцѣнить слабыя стороны ученія Конта, отнесся къ его труду весьма сочувственно. Контъ, однако, ни мало не удовлетворился похвалами Брюстера и даже высказалъ, что этотъ ученый не понялъ основныхъ началъ его философіи. По словамъ Конта, это очевидно изъ мнѣнія критика, будто первые томы составляютъ важнѣйшую часть „Курса“, тогда какъ для самого Конта они служили лишь фундаментомъ, на которомъ онъ пытался воздвигнуть зданіе соціологіи. Оправданіемъ Брюстеру можетъ служить то обстоятельство, что мысль о верховенствѣ соціологической точки зрѣнія получила у самого Конта полное развитіе лишь въ послѣднихъ томахъ его „Курса“. Первоначально этой мысли, хотя и намѣченной уже въ первомъ томѣ, препятствовала теорія, по которой предъидущіе члены іерархическаго ряда наукъ признавались независимыми отъ послѣдующихъ членовъ; въ концѣ концовъ оказалось, что воздѣйствіе соціологіи на всю совокупность нашихъ знаній является чрезвычайно могущественнымъ. Сопоставляя напр. нѣкоторыя положенія, высказанныя Контомъ относительно наиболѣе абстрактной изъ естественныхъ наукъ—астрономіи, съ соціологическими умозрѣніями Конта, мы замѣтимъ, что тѣ и другія не всегда вполнѣ гармонируютъ между собою. Указывая на энциклопедическую фор-

---

Такъ и поступаютъ люди опытной науки: они изучаютъ книги, памятники, мертвыя тѣла, и это-то изученіе и считаютъ самой настоящей наукой».

Если принять во вниманіе, что Контъ, болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ, утверждалъ, что изученіе неживыхъ тѣлъ проще (а въ этомъ смыслѣ и легче), чѣмъ изученіе живыхъ тѣлъ и если вспомнить, что по Конту, соціологическая точка зрѣнія имѣетъ преимущество передъ всякою иною, то придется сказать, что Л. Н. Толстой едва-ли имѣетъ основаніе утверждать все приведенное выше по поводу классификаціи Конта. Оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли всегда «выгодны» занятія, о которыхъ говоритъ Л. Толстой, перечисляющій съ пренебреженіемъ все, что относится къ «культивированію бактерій, рѣзанью лягушекъ и собакъ, изслѣдованію иксъ лучей и химическаго состава звѣздъ». Какъ нарочно, относительно «химическаго состава звѣздъ» Л. Толстой вторично оказывается вполнѣ солидарнымъ съ Контомъ, съ которымъ онъ вообще, гораздо чаще сходится, чѣмъ можно было-бы думать. Замѣчу, кстати, что взгляды Л. Толстого на ученіе *Маркса* такъ же соотвѣтствуютъ истинѣ какъ и его воззрѣнія на контовскую классификацію. Л Толстой утверждаетъ, что Марксъ (Л. Толстой даже не говоритъ: марксисты) «признавая существующій строй жизни такимъ, какимъ онъ долженъ быть, не только не требуетъ отъ людей перемѣны этого строя, т. е не указываетъ имъ на то, какъ они должны жить, чтобы ихъ положеніе улучшилось, но, напротивъ требуетъ продолженія жестокости существующаго порядка для того, чтобы совершились тѣ—болѣе чѣмъ сомнительныя—предсказанія о томъ, что должно случиться, если люди будутъ продолжать жить такъ же дурно, какъ они живутъ теперь». Мнѣ кажется, проповѣдникъ теоріи «непротивленія злу насиліемъ» и «недѣланья» гораздо болѣе повиненъ въ грѣхѣ квіетизма, приписываемомъ имъ Марксу, нежели авторъ «Коммунистическаго Манифеста».

мулу, Контъ говоритъ во второмъ томѣ своего Курса: „Ясно, что астрономія должна быть, по своей природѣ, существенно независимою отъ всѣхъ прочихъ естественныхъ наукъ, и что ея единственной опорой является математическая наука,—анализъ, геометрія и механика. Физика, а въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ случаяхъ. химія могла доставить астрономіи, когда она достигла высокой степени развитія, необходимую помощь въ дѣлѣ усовершенствованія пріемовъ наблюденія; но ясно, что это вспомогательное вліяніе нисколько не было необходимо для установленія астрономіи, какъ науки. Астрономія, безъ сомнѣнія, еще въ рукахъ Гиппарха и его послѣдователей имѣла характеръ настоящей науки, по крайней мѣрѣ съ геометрической точки зрѣнія, тогда какъ физика, химія и проч. были еще глубоко погружены въ метафизическій и даже теологическій хаосъ. Въ новѣйшую эпоху Кеплеръ открылъ свои великіе законы, пользуясь наблюденіями Тихо Браге, произведенными съ помощью тѣхъ же матеріальныхъ средствъ, которыми пользовались древніе греки. Точные инструменты мало способствовали открытію тяготѣнія; наоборотъ, лишь съ этого времени они стали необходимыми для установленія соотвѣтствія между теоріей и наблюденіями. Великимъ инструментомъ, который дѣйствительно произвелъ основныя астрономическія открытія, была сначала геометрія, позднѣе—раціональная механика. Итакъ мы считаемъ доказаннымъ положеніе, въ силу котораго астрономія является независимою отъ прочихъ отраслей естествознанія“.

По этимъ, а частью и по чисто практическимъ соображеніямъ, Контъ ограничилъ область астрономіи почти одной солнечной системой, считая изученіе звѣздныхъ системъ относительно ихъ химическаго состава и даже управляющихъ ими механическихъ законовъ почти или вполнѣ недоступнымъ. Какъ бы то ни было, разсуждая объ астрономіи, Контъ твердо предерживался іерархическаго ряда и лишь мимоходомъ упомянулъ о взаимодѣйствіи. Но развѣ установленіе позитивнаго фазиса астрономіи есть дѣло одной геометріи и механики и развѣ оно не зависѣло отъ развитія самыхъ различныхъ группъ понятій? Было ли мыслимо утвержденіе позитивнаго фазиса астрономической науки, пока господствовала вѣра въ могущество демоническихъ силъ, въ объективную реальность сновидѣній и галлюцинацій и въ непогрѣшимость какихъ-либо духовныхъ или свѣтскихъ авторитетовъ? Развѣ не извѣстенъ случай, когда астроному, открывшему солнечныя пятна, было указано, что объ этихъ пятнахъ нѣтъ ничего у Аристотеля? Развѣ Кеплеру, при всемъ его великомъ умѣ, не послужила помѣхой склонность къ мистицизму и къ суевѣрію, воспрепятствовавшая болѣе правильнымъ взглядамъ на

причины движенія планетъ? Правда и Ньютонъ къ концу жизни, подъ вліяніемъ душевнаго разстройства, впалъ въ мистицизмъ и занялся толкованіемъ апокалипсиса; но съ тѣхъ поръ онъ уже не создалъ ничего великаго, а въ эпоху созданія „Началъ“ былъ менѣе всего склоненъ къ мистицизму, хотя по теологическому предразсудку и остановился въ недоумѣніи передъ вопросомъ о *происхожденіи* солнечной системы. Такимъ образомъ, исторія науки рѣшительно опровергаетъ мнѣніе Конта о независимости даже такой науки, какова астрономія, отъ группъ понятій, входящихъ въ другія области знанія, напр. въ отвергнутую Контомъ психологію: только первые зачатки научной психологіи, въ связи съ успѣхами всего цикла естественныхъ наукъ, могли подорвать въ корнѣ „теологическій фазисъ“, господствовавшій напр. въ эмпирической астрономіи восточныхъ народовъ и въ средневѣковой астрологіи. Въ шестомъ томѣ свего „Курса“, подводя итогъ притязаніямъ, съ одной стороны—математики, съ другой—соціологіи, Контъ становится на точку зрѣнія, уже значительно уклоняющуюся отъ понятій, положенныхъ въ основу іерархическаго ряда. Здѣсь онъ прямо ставитъ вопросъ: „Должны ли мы, при окончательной организаціи позитивной системы, отдать рѣшительное предпочтеніе математическому или же соціологическому духу?“ Вопросъ этотъ рѣшенъ Контомъ безповоротно въ пользу соціологіи, и въ этомъ рѣшеніи онъ даже видитъ единственный исходъ для той „прискорбной борьбы, которая, впродолженіи трехъ вѣковъ, ведется между наукой и философіей“.

Въ то время какъ наука, движимая исключительно математическимъ духомъ, стремилась, по словамъ Конта, къ химерической систематизаціи, философія проявила свое безсиліе въ метафизическихъ возгласахъ по поводу упущенія наукою изъ виду такъ называемой человѣческой точки зрѣнія. „До-тѣхъ-поръ, пока всеобщее развитіе человѣчества не было сведено къ истиннымъ, естественнымъ законамъ, что (добавляетъ Контъ) было впервые сдѣлано въ моемъ „Курсѣ“ [1])—духъ новаго времени, прежде всего жадно стремившійся къ позитивности, не могъ внимать протестамъ философовъ, желавшихъ удовлетворить своей жаждѣ къ общности; не могъ—по той причинѣ, что эти протесты, не смотря на свою полную законность, неизбѣжно примыкали къ обветшалой системѣ, которую необходимо было разрушить“. Переходя затѣмъ къ сопоставленію математики съ соціологіей, Контъ видимо сознаетъ формальное противорѣчіе соціологическаго духа съ іерархическимъ рядомъ наукъ и старается устранить всякое подозрѣніе на счетъ слишкомъ низкой оцѣнки философскаго значенія

[1]) Контъ не приписывалъ себѣ созданія соціологіи, но считалъ своею заслугой основаніе соціальной динамики, т. е. ученія о закономѣрномъ развитіи общества.

математики. Самая необходимость этой оговорки указываетъ на трудность согласовать іерархію наукъ съ господствомъ низшаго изъ членовъ іерархическаго ряда. Контъ указываетъ, правда, что это господство есть лишь идеалъ, тогда какъ іерархія наукъ приблизительно соотвѣтствуетъ исторіи послѣдовательнаго вступленія тѣхъ или иныхъ наукъ въ фазисъ позитивности; этимъ, однако, устраняется лишь половина трудностей задачи.

По утвержденію Конта, преобладаніе математическаго духа было полезно лишь до тѣхъ поръ, пока происходила борьба между позитивнымъ и теолого-метафизическимъ міросозерцаніемъ. Поэтому Контъ цѣнитъ весьма высоко философію Декарта, который, по его мнѣнію, построилъ всю свою систему на математической основѣ. Но для своей эпохи, когда позитивное міросозерцаніе почти устранило теологическій и метафизическій хламъ, ограниченіе позитивнаго изслѣдованія областью, допускающею примѣненіе одного лишь математическаго метода, Контъ признаетъ необычайно вреднымъ. Уже въ двухъ первыхъ томахъ своего „Курса“ Контъ мимоходомъ указываетъ на „метафизическія опасности“, грозящія отъ чрезмѣрнаго преобладанія математики. Теперь въ своихъ „общихъ выводахъ“, (въ шестомъ томѣ) онъ развиваетъ эту мысль, утверждая, что вторженіе метафизики въ математическія умозрѣнія зависитъ не только отъ ранняго возникновенія математической науки, достигшей значительнаго совершенства еще въ эпоху теологическаго метода, но еще болѣе отъ того изолированнаго положенія, которое занимаетъ математическая наука. При этомъ Контъ дѣлаетъ замѣчательное утвержденіе, что „элементарныя математическія понятія еще не подверглись достаточной логической реакціи высшихъ [1]) отдѣловъ натуральной философіи, тогда какъ подобная реакція необходима для достиженія ими полной зрѣлости“ [2]). Далѣе Контъ указываетъ, въ видѣ примѣра, что одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ положительнаго міросозерцанія, а именно установленіе „относительной точки зрѣнія“ вмѣсто теологическихъ и метафизическихъ абсолютовъ,— этотъ признакъ оказывается до сихъ поръ весьма недостаточно выраженнымъ въ математикѣ, гдѣ чрезмѣрное развитіе технической стороны вычисленій часто прикрываетъ отсутствіе здравыхъ идей и гдѣ нерѣдко замѣчается ребяческое желаніе подставить аргументацію на мѣсто наблюденія. „Наоборотъ, здравыя соціологическія умозрѣнія, въ которыхъ историческая точка зрѣнія получаетъ естественное преобладаніе, должны, по своей природѣ, служить наивысшимъ проявленіемъ этого существеннаго аттрибута

[1]) Т. е. на этотъ разъ—ближайшихъ къ соціологіи.

[2]) Отсюда ясно, что Контъ не воспротивился бы воздѣйствію на математику напр. психологіи, если бы, вообще, признавалъ самостоятельность этой науки. и ея естественное положеніе между біологіей и соціологіей.

раціональной позитивности". Сверхъ того, по мнѣнію Конта, спеціальныя занятія математикой мало способствуютъ развитію идеи о неизмѣнности естественныхъ законовъ. Любопытнѣе всего то, что при этомъ Контъ указываетъ на теорію вѣроятностей, какъ на примѣръ уродливаго развитія математическихъ понятій. По его мнѣнію, созданіе этой „позорной" науки доказываетъ, что у самыхъ знаменитыхъ математиковъ можно встрѣтить нелѣпое убѣжденіе, будто всѣ сколько нибудь сложныя явленія не подчиняются никакимъ постояннымъ законамъ, особенно если въ этихъ явленіяхъ замѣшана человѣческая дѣятельность. Такое пониманіе теоріи вѣроятностей можно смѣло назвать непониманіемъ; оправданіемъ Конту могутъ служить тѣ злоупотребленія теоріей вѣроятностей, которыя такъ часто можно было встрѣтить даже у первоклассныхъ математиковъ, какъ напр. у Лапласа [1]).

Стараясь установить верховенство соціологическаго метода, Контъ утверждаетъ, что самые законы геометріи и механики, особенно въ ихъ связи съ астрономіей, должны подвергнуться соціологическому контролю. Что касается физики, здѣсь, по мнѣнію Конта, преобладаніе математики надъ наблюденіемъ и опытомъ породило массу праздныхъ гипотезъ. Наконецъ оказывается, что даже астрономы терпятъ очень многое отъ „нераціональныхъ претензій математиковъ". Это уже настоящій крестовый походъ противъ математики, трудно согласуемый съ нѣкоторыми положеніями перваго и второго тома „Курса". Прежде Контъ утверждалъ, что въ астрономіи наблюденія сводятся къ почти автоматическимъ пріемамъ и что истиннымъ орудіемъ этой науки является математика; теперь онъ окончательно побиваетъ математиковъ, говоря, что они имѣютъ крайне преувеличенныя понятія о возможности предсказывать явленія, слишкомъ мало изученныя ими. Безъ сомнѣнія, говоритъ Контъ, „планъ философіи, основанной на математикѣ, вскорѣ будетъ признанъ метафизической утопіей; впрочемъ невозможность выполненія подобнаго плана не разъ уже обнаруживалась на опытѣ".

Отвернувъ на этотъ разъ математическую точку зрѣнія, даже какъ *основу* положительной философіи, Контъ переходитъ къ раціональному обоснованію соціологической точки зрѣнія. Математическая философія, по словамъ Конта,—особенно если къ ней присоединить философію астрономіи, составляющую, въ строгомъ смыслѣ, наивысшее проявленіе математики,—эта философія имѣетъ значеніе по необычайной общности своихъ законовъ, распространяющихся на всѣ естественныя явленія. Но съ другой стороны, соціологическая философія, къ которой Контъ на этотъ разъ при-

[1]) Срави мою брошюру: Элементарная теорія вѣроятностей, заключительныя замѣчанія

соединяетъ и философію біологіи, стремится къ господству, представляя собою наивысшее выраженіе позитивнаго метода. „Дѣйствительно, говоритъ Контъ, всѣ наши умозрѣнія могутъ вѣдь быть разсматриваемы, какъ необходимые результаты умственной эволюціи человѣчества".

Развитіе положительнаго метода, по Конту, нельзя считать завершившимся, пока онъ не будетъ примѣненъ къ изученію человѣчества. Эта область изслѣдованія представляетъ, однако, конечную цѣль нашихъ научныхъ работъ. Но *человѣческая* точка зрѣнія, говоритъ Контъ, въ сущности тожественна съ *соціальной*. Здѣсь мы приближаемся къ завершенію системы Конта, послужившему, въ то же время, исходнымъ пунктомъ для его позднѣйшихъ „субъективныхъ" умозрѣній. Зачатки „Субъективнаго синтеза" и „Позитивной политики" скрываются уже въ шестомъ томѣ „Курса положительной философіи" [1]).

Главный недостатокъ соціологическихъ умозрѣній Конта въ его „Курсѣ" состоитъ именно въ томъ, что субъективная *точка зрѣнія* здѣсь постоянно смѣшивается съ объективнымъ *методомъ*. Такъ, едва-ли возможно послѣдовать за Контомъ, когда онъ старается выяснить логическія преимущества соціологіи; но его мысли вполнѣ основательны, пока рѣчь идетъ о моральныхъ и даже эстетическихъ преимуществахъ, вытекающихъ не изъ метода изслѣдованія, а изъ нашего отношенія къ человѣческой личности и къ тѣмъ или инымъ общественнымъ группамъ и ихъ интересамъ. Не менѣе трудно согласиться съ Контомъ, когда онъ пытается установить яко-бы объективныя границы изслѣдованія вселенной; но мы вполнѣ согласны съ нимъ, что главнымъ побудительнымъ средствомъ и конечной цѣлью всякой умственной дѣятельности всегда было и будетъ человѣческое счастіе низшаго или высшаго разряда, индивидуальное или коллективное. Въ позднѣйшее время, попытки Конта установить границы науки приняли откровенно-субъективный характеръ: въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ онъ взялъ на себя задачу рѣшить въ мельчайшихъ подробностяхъ, какія знанія полезны или безполезны для человѣческаго счастія, причемъ дошелъ до солидарности со святой инквизиціей, совѣтуя упразднить всѣ книги, казавшіяся ему вредными или безполезными. Но даже въ эпоху полнаго умственнаго здоровья, Контъ слишкомъ смѣло и совершенно догматически рѣшалъ вопросы о безполезности тѣхъ или иныхъ чисто научныхъ изслѣдованій. Въ своемъ „Общемъ обозрѣніи результатовъ, образующихъ основу позитивной философіи", Контъ говоритъ о томъ же вопросѣ, съ болѣе объективной точки зрѣнія: „Су-

[1]) Сравн. мою уже цитированную статью: Соціологическія идеи Конта, въ журн. Вѣкъ 1883 г

ществуетъ необходимая гармонія между нашими реальными познаніями и нашими дѣйствительными потребностями. Знанія, недоступныя для насъ, оказываются, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаніями результатовъ, никуда не годныхъ, за исключеніемъ удовлетворенія празднаго любопытства. Мы не должны изучать какіе бы то ни было законы, за исключеніемъ тѣхъ, которые относятся къ явленіямъ, способнымъ оказать на человѣчество какое бы то ни было вліяніе; но подобное вліяніе, хотя бы оно имѣло косвенный характеръ, даетъ всегда основаніе для позитивной постановки вопроса" [1]). „Совокупность нашихъ изслѣдованій должна включать, во-первыхъ, самое человѣчество.... затѣмъ, среду, въ которой совершается ходъ человѣческой эволюціи". Контъ указалъ при этомъ на наиболѣе экономическій способъ пользованія человѣческими способностями, требуя извѣстнаго компромисса между духомъ спеціализаціи и духомъ общности; это вполнѣ законное требованіе еще весьма далеко отъ тѣхъ грубо-субъективныхъ требованій, къ которомъ онъ пришелъ въ концѣ своей жизни. Однако въ „Курсѣ" мы постоянно видимъ у Конта смѣшеніе объективнаго мѣрила съ субъективнымъ, вслѣдствіе чего онъ придаетъ теоріи, по сравненію съ практикой, то слишкомъ широкое, то черезчуръ узкое значеніе. Не странно-ли противорѣчіе, въ которое впадаетъ Контъ, считая благо человѣчества конечной цѣлью науки и умственный прогрессъ основою всякаго благополучія, и въ тоже время полагая, что классъ теоретиковъ долженъ быть рѣзко отграниченъ отъ класса практиковъ и пользоваться въ общественныхъ дѣлахъ лишь совѣщательнымъ голосомъ. Какъ это ни обидно, но придется сказать, что субъективизмъ Конта выразился прежде всего въ перенесеніи своихъ личныхъ отношеній—въ семьѣ и въ Политехнической школѣ—въ область теоріи. Ограниченный житейскій опытъ, вынесенный имъ изъ отношеній къ г-жѣ Контъ, заставилъ философа относиться къ женщинамъ, какъ къ неравнымъ по человѣческому достоинству—подобно тому, какъ позднѣе любовь къ Клотильдѣ привела его къ мистическому обоготворенію женщины. Не менѣе узкій опытъ, вынесенной изъ интригъ въ Политехнической школѣ, привелъ Конта къ убѣжденію, что господство ученыхъ было бы опасной педантократіей; а при полномъ незнакомствѣ съ какими-либо иными общественными сферами, Контъ не имѣлъ иного выбора, кромѣ слѣдованія идеямъ Сенъ-Симона, при чемъ фактическое преобладаніе буржуазіи было имъ представлено подъ видомъ гармоніи интересовъ всѣхъ промышленныхъ классовъ. События 1848 года могли бы

[1]) Изъ этого ясно, что Контъ предвосхитилъ почти все, что есть основательнаго въ утвержденіяхъ объ «антропологической точкѣ зрѣнія» и о «субъективномъ методѣ»—съ одной стороны, у нашихъ соціологовъ-субъективистовъ,—съ другой у Л. Толстого; все же, что у нихъ есть неосновательнаго, было, въ утрированномъ видѣ, высказано Контомъ въ его сочиненіяхъ позднѣйшаго періода.

нѣсколько повліять на воззрѣнія Конта, если бы въ то время онъ сохранилъ всѣ свои умственныя способности [1]).

Указавъ на узко-біографическія основанія нѣкоторыхъ „субъективныхъ“ элементовъ соціологіи Конта, мы не желаемъ этимъ сказать, чтобы субъективизмъ, поскольку онъ проявляется въ „Курсѣ положительной философіи“, имѣлъ лишь это, чисто „личное“ основаніе. Соціологическая или, если угодно, антропологическая точка зрѣнія, развитая Контомъ въ особенности въ послѣднихъ томахъ его „Курса“, является въ его системѣ не случайностью, но неизбѣжнымъ результатомъ отсутствія какого-либо иного объединяющаго начала. „Курсъ положительной философіи“ остался бы научно-философской энциклопедіей, обрабатывающей порознь „философію“ или „общія основанія“ каждой изъ шести „абстрактныхъ“ наукъ съ преобладаніемъ тѣхъ или иныхъ методовъ въ каждой изъ нихъ, если бы въ соціологической точкѣ зрѣнія не было дано общаго связующаго элемента. Полная непригодность математики для подобной объединяющей роли не ускользнула отъ Конта. Естественно было, поэтому, обратить вниманіе на противоположный конецъ іерархическаго ряда, на соціологію; не менѣе естественно было связать эту наиболѣе „конкретную“ изъ шести основныхъ наукъ съ непосредственной практической дѣятельностью человѣка. Но и сама практическая дѣятельность, отношеніе человѣка къ такъ называемымъ „проклятымъ“ вопросамъ, а также этическая оцѣнка тѣхъ или иныхъ событій индивидуальной и коллективной дѣятельности — все это не дозволяетъ уже того вполнѣ безстрастнаго отношенія, того отсутствія хвалы и порицанія, которое казалось Конту, а въ еще большей мѣрѣ нѣкоторымъ его послѣдователямъ, наиболѣе характернымъ признакомъ научнаго объективизма.

Является, однако, вопросъ, представлялась-ли для Конта необходимость лишь существеннаго дополненія его метода, какое мы находимъ уже въ его „Курсѣ“ или же была необходима радикальная ломка позитивнаго метода, какую мы встрѣчаемъ въ его позднѣйшихъ, полу-патологическихъ произведеніяхъ? Чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, надо напомнить, въ общихъ чертахъ, результаты, къ которымъ привела Конта его соціологическая точка зрѣнія еще въ „Курсѣ положительной философіи“.

Общеизвѣстно отрицательное отношеніе Конта къ психологіи, за которою онъ отрицалъ всякія права самостоятельной науки, признавая научнымъ лишь анатомическое и физіологическое изслѣ-

[1]) Сомнительно, однако, чтобы Контъ и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ былъ способенъ вполнѣ оцѣнить значеніе событій 1848 года. Его отвращеніе къ революціоннымъ тенденціямъ слишкомъ тому препятствовало и не одна слѣпая любовь заставила Конта предпочитать бездарные вирши и повѣсти Клотильды произведеніямъ Жоржъ Зандъ, къ которымъ онъ питалъ чувство, близкое къ негодованію.

дованіе мозга. Въ первомъ томѣ „Курса“ Контъ пытается доказать полную несостоятельность „созданнаго метафизиками“ метода внутренняго наблюденія. Онъ спрашиваетъ: кто въ этомъ случаѣ будетъ наблюдателемъ? Можно наблюдать вліяніе собственныхъ страстей, но и эти наблюденія гораздо менѣе цѣнны, чѣмъ тѣ, которыя произведены нами надъ другими людьми; что же касается внутренняго наблюденія *умственныхъ* явленій въ самый моментъ ихъ происхожденія, Контъ считаетъ такое наблюденіе прямо невозможнымъ, такъ какъ, по его словамъ, мыслящая личность не можетъ раздвоиться такимъ образомъ, что одна ея часть будетъ мыслить, а другая—наблюдать мышленіе [1]).

Эти воззрѣнія Конта на психологію въ значительной мѣрѣ повліяли и на его отношеніе къ различнымъ метафизическимъ школамъ. Въ шестомъ томѣ, въ главѣ „объ успѣхахъ философіи за послѣднія 50 лѣтъ“, Контъ говоритъ, что новѣйшая метафизика во многихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ прежнимъ, теолого-метафизическимъ ученіямъ, разсматривавшимъ ученіе о человѣкѣ, особенно объ его умственной и моральной сторонѣ, какъ совершенно независимое отъ ученія о внѣшнемъ мірѣ. Въ то время какъ наука, освобожденная отъ опеки метафизики, все болѣе развиваетъ чудесную силу позитивнаго метода, метафизики стремятся догматически установить первенство нравственныхъ умозрѣній. Для этого, по словамъ Конта, было достаточно выдумать пресловутое внутреннее наблюденіе, параллельно истинному наблюденію, всегда по необходимости внѣшнему.

Изъ этихъ разсужденій Конта очевидно, что въ своемъ „Курсѣ“ онъ ни на минуту не помышлялъ объ установленіи *двухъ* методовъ изслѣдованія нравственныхъ и умственныхъ явленій; отсюда уже ясно, что и въ области соціологіи онъ не допускалъ двухъ параллельныхъ методовъ, и господство соціологическаго духа въ его системѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать какъ провозглашеніе „верховенства субъективнаго метода“.

Господство соціологіи въ ученіи Конта является послѣдствіемъ единства общей цѣли всѣхъ наукъ. Въ первомъ томѣ „Курса“ Контъ выставилъ, какъ *идеалъ* научнаго объясненія, изображеніе всѣхъ явленій, какъ особыхъ случаевъ одного общаго

---

[1]) Контъ упускаетъ изъ виду возможность воспроизведенія въ памяти прежнихъ умственныхъ состояній, никакъ не уступающую нашей способности воспроизводить, аналогичнымъ образомъ, наши прежнія душевныя волненія и страсти. Однако, многое изъ имъ сказаннаго о самонаблюденіи могло бы быть повторено и теперь, въ томъ смыслѣ, что неметодическое самонаблюденіе имѣетъ такое-же малое научное значеніе, какъ и всякое наивное мышленіе Методическое же самонаблюденіе не возможно безъ содѣйствія чисто объективныхъ методовъ изслѣдованія, въ чемъ убѣждаетъ ознакомленіе съ пріемами новѣйшей экспериментальной психологіи.

факта, причемъ (правда, лишь въ видѣ примѣра) указалъ на тяготѣніе.

Но такое объединеніе, напоминающее знаменитую міровую формулу Лапласа, Контъ вовсе не считалъ исчерпывающимъ задачи философіи. Единство цѣлей науки онъ ставилъ еще выше, видя его въ отнесеніи всѣхъ объектовъ науки къ благу человѣчества. Въ этой мысли, подробно развитой Контомъ въ VI томѣ, нельзя, однако, усмотрѣть обоснованія субъективнаго *метода*: съ точки зрѣнія Конта, соціологія есть объективная наука, ставящая себѣ задачей видѣть, чтобы предвидѣть. Смыслъ утвержденій Конта тотъ, что сама наука есть *соціальное* явленіе. Уже въ первомъ томѣ онъ замѣчаетъ, что, даже по содержанію, науку часто можно понять, лишь зная соціальную организацію данной эпохи; тѣмъ болѣе, ея цѣлью должно быть общество или, допуская все большее и большее объединеніе общественныхъ группъ, все человѣчество. Такимъ образомъ „изученіе человѣчества есть единственное по истинѣ конечное изслѣдованіе“ [1]).

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ шестого тома Контъ высказываетъ мысль, что со временемъ придется еще разъ переработать всѣ вообще науки въ соціологическомъ духѣ, т. е., имѣя въ виду все человѣчество. Контъ замѣчаетъ, что его собственной жизни едвали хватитъ на такую переработку и что онъ возьметъ на себя лишь обработку, въ этомъ смыслѣ, математики и политики. Такую обработку всѣхъ областей знанія въ духѣ соціологіи Контъ считалъ необходимымъ дополненіемъ и завершеніемъ своей системы, такъ какъ наука, не подчиненная соціологіи, неспособна достичь „истинной всеобщности“, т. е. стать вполнѣ философской. И только соціологическій духъ способенъ, по мнѣнію Конта, окончательно ниспровергнуть метафизическіе абсолюты, доставивъ философіи въ высшей степени относительную точку зрѣнія, указавъ на законы умственнаго развитія и на соотвѣтствіе совокупности нашихъ мыслей тому или иному общественному состоянію.

Если бы Контъ подробнѣе развилъ эту мысль, если бы онъ изучилъ связь между умственнымъ развитіемъ и соотвѣтственными соціальными перемѣнами болѣе полно, чѣмъ это сдѣлано въ его соціальной динамикѣ, то онъ, дѣйствительно, былъ бы тѣмъ, чѣмъ его считаетъ Вундтъ, а именно предшественникомъ „матеріалистическаго пониманія исторіи“ [2]). Но на самомъ дѣлѣ взглядъ Конта на отношеніе матеріальной стороны общественной жизни къ умственнымъ теченіямъ страдаетъ неопредѣленностью и противорѣчіями. Въ пятомъ томѣ онъ возстаетъ напр. противъ „чудовищной пред-

[1]) L'étude de l'humanité est la seule étude vraiment finale, какъ сказано въ VI томѣ (стр. 670, Paris, 1869).

[2]) Wundt, Logik, 2 Aufl. II. S. 234.

взятости взглядовъ", относящей всѣ событія въ жизни человѣчества къ тому, что онъ называлъ свѣтскою (temporel) точкою зрѣнія; Контъ видитъ даже въ этомъ преобладаніи „свѣтской" точки зрѣнія одинъ изъ главныхъ признаковъ антипатичной ему революціонной метафизики. Величайшею изъ революцій въ области производства или, по терминологіи Конта, „важнѣйшею перемѣной матеріальнаго режима" Контъ считаетъ земледѣліе. Но эта великая свѣтская революція (révolution temporelle) является, по Конту, лишь результатомъ „основнаго вмѣшательства духовныхъ вліяній" (des influences spirituelles). Можно, однако, привести цитаты, изъ которыхъ видно, что Контъ усматривалъ извѣстную послѣдовательность, восходящую отъ практическихъ или промышленныхъ импульсовъ къ эстетическимъ, а отъ этихъ послѣднихъ къ научнымъ и философскимъ [1]); однако онъ признавалъ эту послѣдовательность возможною и въ обратномъ порядкѣ. Единственный случай, когда Контъ, дѣйствительно, приблизился къ матеріалистическому пониманію исторіи, это его обсужденіе исхода средневѣковой эпохи: здѣсь Контъ, какъ справедливо подчеркнуто Бартомъ [2]), оставляетъ въ сторонѣ свой обычный методъ, состоящій въ выводѣ соціальнаго прогресса изъ умственнаго развитія и указываетъ на существованіе четырехъ рядовъ—промышленнаго, эстетическаго, научнаго и философскаго. При этомъ Контъ призналъ первый изъ рядовъ независимымъ, а три послѣдующіе—производными: здѣсь несомнѣнно значительное приближеніе къ основной идеѣ соціальнаго матеріализма. Но въ этомъ воззрѣніи Конта нѣтъ достаточной цѣльности: по его теоріи выходитъ, что какъ въ началѣ развитія, такъ и въ эпоху полной зрѣлости, т. е. при окончательномъ торжествѣ позитивизма, умственное развитіе господствуетъ надъ матеріальнымъ, тогда какъ въ промежуточную эпоху первое является, если примѣнить терминологію Маркса, лишь надстройкою надъ послѣднимъ.

Болѣе опредѣленное положеніе занимаетъ Контъ по вопросу объ отношеніи между умственнымъ развитіемъ и другими психическими, такъ наз., факторами соціальной эволюціи; однако, и въ этомъ отношеніи ученіе Конта не свободно отъ противорѣчій и, во всякомъ случаѣ, страдаетъ неполнотою. Такъ, оппозиція противъ метафизики, избравшей, по словамъ Конта, почти единственнымъ предметомъ своихъ умозрѣній разумъ и пренебрегающей чувствами и страстями, приводитъ Конта (въ т. III его Курса) къ замѣчательному утвержденію, мало гармонирующему съ его со-

[1]) Cours, VI, 57, третьяго изд.

[2]) P. Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, Leipz. 1897, S. 41. У этого автора вообще можно найти удачное сопоставленіе руководящихъ идей соціологіи Конта.

ціальной динамикой и гораздо болѣе согласному съ его позднѣйшими экскурсіями въ область чувства. „Ежедневный опытъ, говоритъ здѣсь Контъ, несомнѣнно доказываетъ, что главными двигателями человѣческой жизни являются привязанности, склонности, страсти, и въ то же время, онѣ нисколько не происходятъ отъ разума"; ихъ самопроизвольные и независимые импульсы необходимы для перваго пробужденія и непрерывнаго развитія различныхъ умственныхъ способностей, указывая на постоянную цѣль, безъ которой, помимо необходимой неопредѣленности общаго направленія, онѣ остались бы у большей части людей въ состояніи спячки. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наименѣе благородныя, наиболѣе скотскія склонности обыкновенно въ то же время и самыя энергичныя и, слѣдовательно, наиболѣе могущественныя". При самомъ построеніи зданія соціологіи, Контъ нерѣдко подчеркиваетъ могущественное значеніе безсознательныхъ склонностей, инстинктовъ и другихъ нераціональныхъ психическихъ факторовъ, хотя и придаетъ ему второстепенное значеніе по сравненію съ постепеннымъ захватомъ интеллектуальными силами области страстей. Среди второстепенныхъ элементовъ, однимъ изъ важнѣйшихъ Контъ считаетъ явленіе скуки, или угнетенія, зависящаго отъ недостатка упражненія высоко-развитыхъ органовъ. Но каковы бы ни были эти частныя положенія и оговорки Конта, въ общемъ остается несомнѣннымъ, что для него умственный прогрессъ являлся основою всего, вообще, соціальнаго развитія [1]). И въ этомъ, а никакъ не въ „отсутствіи субъективнаго метода", слѣдуетъ видѣть основной недостатокъ соціологіи Конта, въ которой отсутствуетъ сколько-нибудь послѣдовательное и научно-доказанное обоснованіе зависимости прочихъ „рядовъ" (напр. промышленнаго) отъ основнаго умственнаго ряда,—если не считать такимъ доказательствомъ указаніе связи между теологіей и военнымъ строемъ и между позитивизмомъ и индустріей [2]).

Этимъ мы закончили наше обозрѣніе ученія Конта. Обратимся къ вопросу, можетъ-ли новѣйшее развитіе философіи считаться развитіемъ его идей, или же оно приняло совсѣмъ иное направленіе? Вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что эпоха безусловнаго увлеченія Контомъ, какъ и огульнаго осужденія его взглядовъ, теперь миновала и наступило время безпристрастной исторической оцѣнки.

[1]) Сказанное въ текстѣ обнаруживаетъ, однако, односторонность полемики, направленной противъ Конта Спенсеромъ, который противопоставилъ утвержденіямъ Конта, относящимся къ умственному прогрессу, свое категорическое утвержденіе, что человѣчествомъ управляютъ чувства, страсти и характеры. Странно, что позитивисты, пытавшіеся опровергнуть Спенсера, ссылались на позднѣйшія умозрѣнія Конта, тогда какъ они могли найти въ самомъ «Курсѣ» положенія, ограничивающія оспариваемую Спенсеромъ доктрину.

[2]) Связь эта вытекаетъ у Конта изъ его общей теоріи согласованія (consensus) разныхъ функцій общественнаго организма.

Утверждая это, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы и теперь не было людей, мнящихъ себя философами и въ тоже время относящихся къ Конту приблизительно такъ, какъ относился къ картѣ звѣзднаго неба школьникъ, который въ пять минутъ возвратилъ ее въ исправленномъ видѣ.

Обращаясь напр., къ статьямъ А. Козлова [1]) и узнавъ изъ нихъ, что „позитивизмъ является подъ слѣд. именами: „сенсуализмъ, скептицизмъ, эмпиризмъ, критицизмъ, антропологизмъ, феноменизмъ, эволюціонизмъ"—мы начинаемъ уже испытывать нѣкоторое недовѣріе къ критическимъ способностямъ автора. Читая далѣе, что позитивисты „спеціально отвергаютъ ученіе о духѣ вообще и особенно о Богѣ, душѣ или нашемъ я", мы имѣемъ основаніе подозрѣвать, не смѣшиваетъ-ли г. Козловъ позитивизмъ съ атеизмомъ, а узнавъ отъ него, что позитивизмъ отвергаетъ атомы (что справедливо, да и то условно, относительно Конта) мы невольно ставимъ вопросъ, неужели такое отрицаніе атомовъ свойственно всѣмъ послѣдователямъ сенсуализма и эмпиризма? Далѣе мы читаемъ, что Контъ задался попыткой уничтожить философію, какъ науку, и что попытка эта „представляетъ своего рода преступное покушеніе на оскорбленіе величества самого мыслящаго и философскаго разума"; находимъ также замѣчанія, съ претензіей на остроуміе, вродѣ того, что Контъ имѣлъ наивное представленіе о знаніяхъ: они, подобно матеріальнымъ вещамъ, яко-бы существуютъ отдѣльно отъ актовъ мысли, какъ бы въ разныхъ хранилищахъ, каковы книги, музеи и наконецъ мозги ученыхъ. Читая все это, мы предлагаемъ вопросъ: серьезно-ли пишетъ авторъ о Контѣ или же онъ, если „изучалъ" Конта, то безъ всякой способности пониманія? Чѣмъ инымъ объяснить напр., утвержденіе А. Козлова, что философія Конта есть не что иное, какъ „прямолинейная.... попытка съ корнемъ уничтожить настоящую философію.... противопоставляя ей *энциклопедію* сложившихся исторически *наукъ*, искуственно и произвольно связанныхъ". Можно утверждать съ основаніемъ, что Контъ не достигъ своей цѣли—объединенія наукъ посредствомъ соціологіи, но увѣрять, что Контъ ничего и не пытался дать, кромѣ произвольно сшитой энциклопедіи, значитъ ровно ничего не понять въ ученіи Конта и въ его реформаторской роли [2]).

Серьезная критика ученія Конта была въ нашей литературѣ дана тридцать лѣтъ тому назадъ въ первый разъ П. Лавровымъ.

---

[1]) Вопросы философіи, 1892 г. книга 15-ая, „Позитивизмъ Конта".

[2]) Всѣ болѣе или менѣе вѣрныя замѣчанія А. Козлова о Контѣ заимствованы имъ у Милля, Лесевича и др.; все же прибавленное А. Козловымъ отъ себя, по качеству не превосходитъ сужденій, цитированныхъ въ текстѣ. Въ одномъ изъ примѣчаній, А. Козловъ замѣчаетъ, что онъ вовсе не хочетъ „нанести ущербъ силамъ и способностямъ Конта". Мы полагаемъ, что подобная «критика» никогда еще не наносила „ущерба силамъ и способностямъ" геніальнаго мыслителя, какимъ несомнѣнно былъ Контъ.

Эта критика представляетъ интересъ уже потому, что послужила основою всей такъ наз. субъективной соціологіи, породившей столько недоразумѣній въ нашей литературѣ, — недоразумѣній, въ которыхъ П. Л. гораздо менѣе повиненъ, чѣмъ его продолжатели, односторонне развившіе понятіе о „субъективномъ методѣ".

По опредѣленію П. Л., „объективно то, что подлежитъ во всѣхъ частностяхъ провѣркѣ нѣсколькихъ изслѣдователей. Субъективно то, что можетъ быть провѣрено лишь одною личностью". Отсюда П. Л. выводитъ существованіе двухъ методовъ, изъ которыхъ одинъ—объективный—даетъ возможность провѣрки устанавливаемой истины и способовъ доказательства—каждому, кто одаренъ достаточнымъ знаніемъ и орудіями; субъективный методъ употребляется тамъ, гдѣ самое явленіе доступно одному лишь наблюдателю. Далѣе, однако, П. Л. поясняетъ, что субъективный методъ можетъ научно употребляться въ томъ случаѣ, „если только значительное число наблюдателей, критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію, могутъ, каждый отдѣльно, воспринять аналогическія явленія". Это въ высшей степени существенное дополненіе не только ограничиваетъ всякій субъективный произволъ, но, въ сущности, почти до неразличимости сглаживаетъ границы между объективнымъ методомъ и тѣмъ, которому П. Л. придаетъ названіе субъективнаго. Вѣдь всякое вообще явленіе доступно, въ строгомъ смыслѣ слова, каждому наблюдателю „отдѣльно" и провѣрка истины многими наблюдателями, при примѣненіи объективнаго метода, точно также основана на предположеніи, что различные наблюдатели, каждый отдѣльно, воспринимаютъ аналогичныя явленія. Примѣры, приводимые П. Л., подтверждаютъ это до очевидности. Теплота, свѣтъ, цвѣта, звукъ, говоритъ онъ, суть явленія субъективныя, и методъ изслѣдованія теплоты сдѣлался объективнымъ лишь когда термометръ и др. приборы позволили свести изученіе теплоты на изученіе „объективныхъ" явленій „протяженія, вѣса, движенія, испаренія, замерзанія". Если даже отбросить испареніе и замерзаніе, которыхъ мы не можемъ наблюдать независимо отъ „субъективныхъ явленій" теплоты, свѣта, звука, цвѣта и т. п., и ограничиться протяженіемъ, вѣсомъ и движеніемъ, то условность опредѣленій П. Л. станетъ очевидною. Въ чемъ состоитъ „объективность" протяженія, по сравненію съ „субъективностью" теплоты? Въ томъ-ли, что теплота явленіе менѣе общее, чѣмъ протяженіе? Но теплота есть общее свойство всѣхъ доступныхъ нашему наблюденію тѣлъ. Въ томъ-ли, что теплота воспринимается кожей черезъ посредство нервовъ, быть можетъ отличающихся отъ тѣхъ, которыми воспринимается форма предмета? Или въ томъ, что воспріятія про-

странства менѣе подвержены (хотя и не всегда) разнымъ иллюзіямъ? Или, наконецъ, въ томъ, что отчетливость различенія разстояній и направленій и совокупная работа зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства дѣлаютъ протяженныя величины гораздо болѣе доступными точному количественному измѣренію, нежели тѣ или иныя разности температуры, опредѣляемыя непосредственно теплозыми ощущеніями? Очевидно, что лишь это послѣднее мѣрило „объективности“ имѣетъ научное значеніе, но не менѣе очевидна вся его относительность. Измѣреніе температуры термометромъ, по сравненію съ измѣреніемъ ея на ощупь рукою, лишь по стольку „объективно“, поскольку оно является переводомъ неопредѣленныхъ, колеблющихся у разныхъ наблюдателей, и даже у одного и того же наблюдателя, ощущеній, на языкъ тѣхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, которыя слагаются въ пространственныя воспріятія, гораздо болѣе однообразныя у одного и того же и даже у многихъ наблюдателей. Когда, поэтому, П. Л. говоритъ далѣе, что еще до существованія термометровъ „субъективное“ изслѣдованіе теплоты могло быть научнымъ, то забываетъ добавить: „поскольку это субъективное изслѣдованіе приближалось къ требованію объективности“. Такъ, если опытный врачъ уже на ощупь приблизительно опредѣляетъ температуру больного, то это лишь означаетъ, что его тепловыя ощущенія, вслѣдствіе упражненія, пріобрѣли извѣстную устойчивость и точность, приближающую ихъ къ тѣмъ зрительнымъ и инымъ ощущеніямъ, изъ которыхъ слагается воспріятіе разстоянія между послѣдовательными дѣленіями шкалы термометра. Обратный примѣръ представляютъ ощущенія, имѣющія патологическій характеръ, и представленія наиболѣе удаляющіяся отъ требованія объективности, какъ напр. лицъ, подверженныхъ галлюцинаціямъ, сумасшедшихъ, пьяныхъ и т. п.

Оказывается, такимъ образомъ, что у П. Л. различіе между объективнымъ и субъективнымъ методомъ вовсе не устанавливаетъ двухъ различныхъ „методовъ“. Разъ „субъективный методъ“ обставленъ такими требованіями, какова возможность воспріятія аналогичныхъ явленій „значительнымъ числомъ наблюдателей“, да еще „критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію“, то такой методъ ровно ничѣмъ не отличается отъ объективнаго метода, требующаго, чтобы „изслѣдуемыя явленія доступны были провѣркѣ всякаго, кто одаренъ достаточнымъ знаніемъ и надлежащими орудіями для полученія воспріятій“

Единственная почва, на которой еще можно было попытаться отстоять теорію двухъ методовъ, это почва этической оцѣнки и практической дѣятельности. Эта попытка была сдѣлана П. Л.

и Н. Михайловскимъ, но, въ свою очередь, не привела къ тому, что требовалось доказать.

Поставивъ вопросъ о примѣненіи „субъективнаго метода“ въ этикѣ, соціологіи и политикѣ, П. Л. утверждаетъ, что объективный элементъ въ этой области ограничивается описаніемъ и классифицированіемъ. Но чтобы *понять* человѣческую дѣятельность „надо разсмотрѣть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства—*цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческіе событіе. Но что такое цѣль? Это нѣчто желаемое, пріятное, полезное, должное. Всѣ эти категоріи чисто субъективны и въ тоже время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованіе, эти явленія принуждаютъ употреблять субъективный методъ и въ тоже время позволяютъ это сдѣлать вполнѣ научно“.

Здѣсь остается не вполнѣ яснымъ, что означаетъ доступность указанныхъ субъективныхъ категорій всѣмъ личностямъ? Конечно, всякая личность ставитъ себѣ цѣли и стремится къ ихъ достиженію,—Сократъ наравнѣ съ Алкивіадомъ, Маркъ Аврелій наравнѣ съ Калигулой. Но спрашивается, какія изъ этихъ цѣлей и стремленій могутъ послужить обоснованіемъ субъективнаго „метода“,т. е. научнаго орудія изслѣдованія? Слѣдуетъ ли и здѣсь принять извѣстное уже намъ ограниченіе, т. е. допустить, что для научнаго примѣненія субъективнаго „метода“ необходимо, чтобы явленія воспринимались не первымъ встрѣчнымъ, а „значительнымъ числомъ наблюдателей, критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію“? Изъ общаго направленія статьи П. Л. и изъ другихъ работъ того-же мыслителя ясно, что онъ, говоря о „субъективномъ методѣ“ въ соціологіи, именно подразумѣвалъ отношеніе къ тѣмъ или инымъ соціальнымъ явленіямъ не толпы, и не Нероновъ и Калигулъ, а „критически развитыхъ личностей“. Если бы П. Л. сдѣлалъ шагъ далѣе и замѣтилъ, что отношеніе къ соціальнымъ явленіямъ обусловливается, прежде всего, положеніемъ, принятымъ тѣмъ или инымъ изслѣдователемъ по отношенію къ интересамъ и стремленіямъ тѣхъ или иныхъ соціальныхъ группъ, то усмотрѣлъ бы, что требованіе „критической развитости“ приводится къ требованію усвоенія идеаловъ той или иной группы. Наблюдатель, обладающій весьма значительными знаніями и полной добросовѣстностью, можетъ, тѣмъ не менѣе, обнаружить извѣстную узость горизонта единственно въ силу своего сознательнаго или безсознательнаго служенія интересамъ той или иной общественной группы. Такъ, въ современномъ обществѣ, экономистъ и соціологъ, относящійся къ событіямъ съ точки зрѣнія мѣщанскихъ интересовъ (т. е. мелкаго капитализма) или хотя бы съ точки зрѣнія крестьянскихъ общинныхъ идеаловъ, по необхо-

димости обреченъ на односторонность, какъ бы ни были превосходны его умственныя и нравственныя качества. Степень „критическаго развитія“ того или иного соціолога нашего времени имѣетъ, поэтому, въ числѣ прочихъ объективныхъ признаковъ (умѣнье обращаться съ фактами и т. п.), еще и тотъ, поскольку и въ какомъ смыслѣ этотъ соціологъ относится положительно или отрицательно къ великому соціальному движенію нашего вѣка, т. е. къ борьбѣ пролетаріата съ господствомъ капитализма.

Напротивъ того, всякая попытка обосновать оцѣнку общественныхъ явленій на чисто субъективныхъ началахъ, возведенныхъ въ рангъ особаго метода, неминуемо оказывается неудачной, въ чемъ убѣждаетъ примѣръ даже такого сильнаго мыслителя, каковъ П. Л. Присмотримся къ его обоснованію.

П. Л. указываетъ на различіе между практическими и теоретическими вопросами и, какъ слѣдовало ожидать, неизбѣжно касается пресловутаго вопроса о произвольности человѣческихъ дѣйствій. Сравнивая движеніе ядра съ произвольнымъ выборомъ пути направо или налѣво, онъ говоритъ: „конечно, съ точки зрѣнія весьма многихъ теорій, въ сравниваемыхъ случаяхъ разницы нѣтъ“. Но эти теоріи, имѣютъ ли онѣ спиритуалистическую или матеріалистическую окраску, очевидно ему антипатичны и признаются имъ метафизическими.

„Научно, по словамъ П. Л., можно признать лишь фактъ сознанія произвольности въ постановкѣ цѣлей, въ выборѣ между побужденіями и цѣлями, оставляя метафизикѣ вопросъ—призрачно ли сознаніе или нѣтъ. Позитивная философія не имѣетъ права выкинуть изъ своего разсмотрѣнія фактъ, доступный всеобщему наблюденію, не имѣетъ права оставить фактъ, какъ онъ воспринимается, въ сторонѣ, чтобы искать ему объясненія въ недоступной области. Произвольный выборъ побужденій и цѣлей—всеобщій, слѣдовательно научный фактъ субъективнаго наблюденія, и позитивизмъ *обязанъ* изучать связь побужденій съ дѣйствіями, какъ произвольную; слѣдовательно, обязанъ допускать критику побужденій и цѣлей, какъ она представляется сознанію, т. е. какъ критику для *произвольнаго выбора... Метафизически* можно разсматривать будущія дѣйствія личности и событія исторіи лишь какъ неизбѣжныя слѣдствія. *Позитивно* будущее человѣка и общества опредѣляется произвольнымъ выборомъ между побужденіями и цѣлями, при ограниченіи этого выбора условіями, насколько эти условія могутъ быть провѣрены наукою“.

Отвѣтить на эту критику не трудно. Позитивизмъ Конта, совершенно игнорировавшій теорію познанія, былъ бы поставленъ въ нѣсколько затруднительное положеніе, если бы ему предложить вопросъ, какая роль принадлежитъ въ его системѣ человѣ-

ческимъ цѣлямъ и произвольному выбору; ему, дѣйствительно, пришлось бы удовлетвориться эмпирическимъ фактомъ сознанія свободы выбора и не менѣе эмпирическими законами, вродѣ тѣхъ, которые открываетъ статистика и которые приведены напр Боклемъ, съ цѣлью устранить метафизическій вопросъ о свободѣ воли. Но изслѣдованіе нашей познавательной способности едва-ли можетъ довольствоваться „всеобщимъ фактомъ субъективнаго наблюденія“. Изслѣдованіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что подобные „всеобщіе факты“ ни мало не исключаютъ возможности ихъ объясненія, идущаго дальше непосредственнаго наблюденія.

Существуетъ напр. „всеобщій фактъ“ *объективнаго* наблюденія, состоящій въ томъ, что земля представляетъ подобіе круглой доски; наука, однако, не довольствуется этимъ фактомъ и отыскиваетъ его объясненіе, приводящее къ утвержденію понятія о шарообразности земли. Точно также, „всеобщій фактъ“ субъективнаго наблюденія, т. е. сознаніе „произвольности выбора“ ни мало не вынуждаетъ насъ допустить, что эта произвольность есть нѣчто, радикально отличающееся отъ движенія ядра и отъ взрыва пороха. Научное объясненіе факта произвольности выбора доставляется лишь образованіемъ понятія объ относительной или психологической свободѣ воли, въ противоположность той абсолютной свободѣ, которая допускается спиритуалистической метафизикой и отвергается метафизическимъ матеріализмомъ. „Свобода воли“ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ степенью активности чувствующаго и мыслящаго существа, зависящею отъ его организаціи, отъ его физіологическихъ функцій и отъ тѣхъ соціальныхъ отношеній, въ которыхъ это существо принимаетъ прямое или косвенное участіе. Эта относительная, опредѣленная милліонами сложныхъ условій, „свобода воли“ такъ же мало противорѣчитъ понятію о закономѣрности явленій, какъ не противорѣчитъ ей и опредѣленное сложными условіями „неожиданное и внезапное“ разложеніе массы взрывчатаго вещества. И поэтому, всякая попытка разорвать на двое закономѣрность всего совершающагося или признать психологическую причинность не только специфически отличающеюся отъ всякой иной, но и прямо несуществующею—всякая такая попытка будетъ мертворожденною. Не метафизически, а научно можно и должно разсматривать дѣйствія личности и событія исторіи какъ „неизбѣжныя“, т. е. условно необходимыя слѣдствія,—слѣдствія, вытекающія изъ совокупности географическихъ, физіологическихъ, психологическихъ и иныхъ причинъ. Психологическій же фактъ „произвольности выбора“ долженъ противополагаться не „безусловной необходимости“, а психологическому же автоматизму, какой мы наблюдаемъ напр. въ состояніи гипноза, а въ менѣе рѣзкой формѣ—въ явленіяхъ подражанія и пас-

сивнаго подчиненія. Закономѣрная воля не есть „деревянное желѣзо“: при извѣстной совокупности условій, мы, дѣйствительно. должны хотѣть, т. е. мы хотимъ по необходимости. Вырывать фактъ произвольности выбора изъ всей совокупности психическихъ явленій, представляющихъ всевозможныя градаціи отъ высокой степени сознательности и свободы до крайней степени безсознательности и автоматизма, также нѣтъ ни малѣйшаго основанія. А стало быть, и съ точки зрѣнія психологіи, нѣтъ основанія для установленія особаго метода, противоположнаго методу естественныхъ наукъ.

Какъ же отнеслась ко всѣмъ намѣченнымъ выше вопросамъ положительная философія, по скольку она выражена въ „Курсѣ“ Конта?

Нельзя сказать, чтобы положеніе ея въ этомъ вопросѣ было вполнѣ опредѣленнымъ и неуязвимымъ.

Разсматривая силы, проявляющіяся въ „соціальной динамикѣ“, Контъ, какъ извѣстно, придаетъ первостепенное значеніе умственному фактору. „Исторія общества, говоритъ онъ, находится подъ господствомъ исторіи человѣческаго ума“ [1]): поэтому понятія умственной и соціальной эволюціи являются для него порою тожественными [2]). Мы видимъ, что по этому вопросу Контъ, однако, дѣлаетъ важныя оговорки. Умъ, говоритъ онъ, по природѣ слабѣе нашихъ аффективныхъ способностей; онъ не столько повелѣваетъ, сколько видоизмѣняетъ: однако, онъ является всюду руководителемъ и главнымъ факторомъ всѣхъ соціальныхъ перемѣнъ, какъ революціонныхъ, такъ и постепенныхъ. Единственнымъ средствомъ реформы является преобразованіе мнѣній, затѣмъ уже нравовъ и, наконецъ, учрежденій.

Тѣмъ не менѣе, Контъ весьма далекъ отъ приписыванія уму всемогущества, а человѣческимъ дѣйствіямъ—свойства безусловной свободы. Вѣру во всемогущество ума онъ прямо признаетъ крупнымъ заблужденіемъ и связываетъ съ этой ошибкой переоцѣнку значенія выдающихся людей. Геніи науки и искусства, а тѣмъ болѣе законодатели, тѣсно связаны съ общимъ ходомъ умственнаго развитія общества. Сверхъ того, умъ подчиняется, по Конту, чисто механическимъ или физическимъ законамъ инерціи, сложенія движеній и равенства дѣйствія и противодѣйствія. Поэтому умственное развитіе, а стало быть и весь ходъ историческаго развитія, далеко не опредѣляется субъективнымъ произволомъ, но обнаруживаетъ непрерывную связь событій.

Какъ же относится соціологія Конта къ понятію о человѣческихъ цѣляхъ? Что касается „конечныхъ цѣлей“, какъ и „ко-

[1]) Cours, IV, 460 (3-е изд.)
[2]) Тамъ-же, VI, 409—410.

нечныхъ причинъ", онѣ разъ навсегда исключаются основными началами положительнаго метода и исключены Контомъ уже изъ астрономіи и біологіи. Телеологія, по которой вся природа служитъ цѣлямъ человѣка, замѣнена изученіемъ условій существования.

Исключить человѣческія цѣли изъ соціологіи было не такъ легко [1]). Когда Контъ говоритъ, что положительная соціологія не восхищается политическими фактами и не осуждаетъ ихъ, но видитъ въ нихъ лишь простые „предметы наблюденія", то это утвержденіе мало гармонируетъ съ собственнымъ заявленіемъ Конта, что научное убѣжденіе въ закономѣрности соціальныхъ явленій не должно выродиться въ „систематическую склонность къ фатализму и оптимизму, одинаково развращающую и опасную" — вслѣдствіе чего Контъ даже заявляетъ, что заниматься соціологіей съ успѣхомъ можетъ только тотъ, чей нравственный уровень достаточно высокъ. И не трудно видѣть, что изгнанная въ дверь нравственная оцѣнка возвращается въ окно въ собственныхъ соціологическихъ умозрѣніяхъ Конта [2]).

Но эта оцѣнка именно и страдаетъ тою субъективностью, которую пытались превратить въ методъ. Истинное мѣрило для оцѣнки соціальныхъ явленій можетъ быть найдено не иначе, какъ при помощи общаго научнаго метода; роль субъективнаго элемента въ этомъ случаѣ ограничивается положеніемъ, въ которое сознательно ставитъ себя наблюдатель, примыкая къ тѣмъ или инымъ соціальнымъ теченіямъ, отстаивая интересы и идеалы тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ. Убѣжденіе въ закономѣрности соціальныхъ явленій—и въ этомъ смыслѣ въ ихъ неизбѣжности—ни мало не препятствуетъ участію въ активной борьбѣ. Вѣдь и самъ изслѣдователь, со своими идеями и стремленіями, входитъ въ составъ условій, опредѣляющихъ тотъ или иной ходъ событій; и чѣмъ болѣе обширны его познанія, чѣмъ глубже его анализъ общественныхъ явленій, тѣмъ болѣе онъ, при равныхъ условіяхъ личной энергіи, будетъ способенъ содѣйствовать торжеству *своего* идеала—по той простой причинѣ, что *его* идеалъ будетъ имѣть подъ собою болѣе реальную почву въ наличныхъ общественныхъ силахъ.

Какъ уже было замѣчено, въ нашей литературѣ сдѣлана одна, заслуживающая полнаго вниманія попытка дополнить и исправить соціологическій методъ Конта, не выступая подъ фла-

---

[1]) Срав. Wundt, Log'k, 2 Aufl II 2, S, 321 и Barth, Die Philos. der Geschichte, 47—50.

[2]) Выраженіе оцѣнка (appréciation) одно изъ весьма употребительныхъ въ соціологіи Конта.

гомъ „субъективнаго метода“. Эта попытка принадлежитъ В. Лесевичу и о ней необходимо сказать еще нѣсколько словъ [1]).

Возражая теоретикамъ „субъективнаго метода“, г. Лесевичъ прежде всего указываетъ на неправильность терминологіи, смѣшивающей методъ съ точкою зрѣнія. Точка зрѣнія ставитъ цѣли, но разрѣшеніе вопроса всецѣло зависитъ отъ метода. Если система Конта не имѣетъ основанія для нравственной оцѣнки, то это является не неизбѣжнымъ послѣдствіемъ основныхъ началъ позитивизма, а результатомъ непослѣдовательности основателя, и недостатокъ этотъ можетъ быть устраненъ безъ всякаго ущерба для основныхъ началъ позитивизма. Отрицаніе восхищенія и осужденія, высказанное Контомъ, вполнѣ основательно, пока идетъ рѣчь объ абстрактной соціологіи, т. е. о необходимыхъ научныхъ фикціяхъ; къ конкретнымъ общественнымъ фактамъ, наоборотъ, всецѣло примѣнима нравственная оцѣнка. Эти замѣчанія В. Лесевича, подтверждая неизбѣжность и необходимость „субъективной точки зрѣнія“, отнимаютъ въ то же время всякую почву у „субъективнаго метода“, такъ какъ подтверждаютъ, что методъ образованія понятій существенно одинаковъ для всѣхъ наукъ; различнымъ же можетъ быть только положеніе, принятое изслѣдователемъ по отношенію къ изучаемому объекту.

Изъ предъидущаго ясно, что мы мало склонны проводить рѣзкую пограничную черту между абстрактной и конкретной соціологіей, а поэтому, въ разсматриваемомъ случаѣ, мы нѣсколько уклоняемся отъ взглядовъ В. Лесевича. Каковы бы ни были соціологическія абстракціи или фикціи, онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ результатъ изслѣдованій надъ живымъ человѣческимъ матеріаломъ, а поэтому сомнительно, чтобы даже въ области такихъ абстракцій было возможно всегда удержаться на высотахъ олимпійскаго спокойствія. *Но именно отсюда и вытекаетъ требованіе объективности, какъ единственнаго способа гарантировать научную истину.* Опредѣливъ разъ навсегда свою субъективную точку зрѣнія, т. е. свое отношеніе къ тѣмъ или инымъ интересамъ, стремленіямъ, идеаламъ, выяснивъ свое положеніе по отношенію къ классовой, сословной, національной, религіозной борьбѣ, изслѣдователь затѣмъ уже не принадлежитъ себѣ, а долженъ служить исключительно истинѣ,—не прикрашивая ея въ пользу своихъ излюбленныхъ идеаловъ, не ставя себя въ положеніе страуса, прячущаго голову, не обманывая сознательно или безсознательно своихъ единомышленниковъ и противниковъ. Въ этомъ

[1]) То обстоятельство, что В Лесевичъ считаетъ свои разногласія съ представителями субъективнаго метода не существенными, насъ здѣсь не касается. Конечно, „субъективный методъ“ былъ шагомъ впередъ по сравненію съ „позитивизмомъ“ во вкусѣ Вырубова, но, по справедливому замѣчанію В. Лесевича, гибель вырубовскаго позитивизма еще ничего не свидѣтельствуетъ противъ Конта.

смыслѣ Контъ правъ, когда требуетъ отъ соціолога, прежде всего, высокаго нравственнаго уровня. Но смѣло признавать факты вовсе не значитъ сгибать передъ ними спину; никто не можетъ требовать отъ соціолога, чтобы онъ „обуздывалъ“ свое восхищеніе или негодованіе,—лишь бы онъ ради этого не попиралъ истину и лишь бы его чувства не подсказывались мелочными и пошлыми страстями, этими „фуріями частнаго интереса“, по выраженію Карла Маркса.

Каковы бы ни были недостатки положительной философіи, и въ частности соціологіи Конта, за этимъ мыслителемъ останется навсегда та безсмертная заслуга, что онъ первый, вполнѣ категорически и ясно, опредѣлилъ область соціологіи и ея мѣсто въ ряду другихъ наукъ. Соціальный идеалъ Конта былъ не болѣе, какъ отраженіемъ классовыхъ интересовъ буржуазіи, съ которыми онъ, подобно Сенъ-Симону, пытался слить интересы всѣхъ промышленныхъ классовъ, включая пролетаріевъ. Такая попытка была заранѣе осуждена на полное безплодіе. Мысль объ установленіи нравственныхъ отношеній между рабочими и предпринимателями, при чемъ капиталисты изобразятъ изъ себя „необходимыхъ распорядителей общественными капиталами“, слишкомъ напоминаетъ, съ одной стороны, пресловутыя экономическія гармоніи буржуазныхъ экономистовъ, съ другой—утопіи Сенъ-Симона; а проектъ поставить во главѣ свѣтской власти банкировъ, какъ представителей самыхъ „абстрактныхъ“ функцій капитала, могъ бы, пожалуй считаться пророческимъ предвидѣніемъ плутократіи, господствовавшей въ эпоху Наполеона III,—если бы она не процвѣтала уже въ эпоху, когда Контъ писалъ свой „Курсъ“. Но эти ошибки, зависящія отъ избранной Контомъ классовой точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ вину его положительному методу. То же относится и ко многимъ другимъ частнымъ промахамъ Конта.

Положительная философія, въ томъ видѣ, какъ она обоснована Контомъ, не есть завершенное и незыблемое зданіе. Самый фундаментъ требуетъ существенныхъ поправокъ; въ немъ отсутствуетъ теорія познанія; въ немъ, вообще, нѣтъ послѣдовательнаго объединяющаго принципа, хотя Контъ упорно искалъ его, сначала въ математикѣ, затѣмъ въ области соціологіи. Въ лицѣ автора „Критики чистаго разума“, къ которому Контъ относился съ большимъ уваженіемъ, но котораго зналъ лишь изъ вторыхъ рукъ, германская философія уже дала начала, которыхъ Контъ не успѣлъ найти—и должна была рано или поздно привести къ критическому реализму, во многомъ стоящему выше ученія Конта; однако, послѣдовательное развитіе позитивизма, въ свою очередь, могло бы привести къ такимъ же или аналогич-

нымъ началамъ. Такимъ образомъ, каково бы ни было наше мнѣніе о частныхъ промахахъ Конта и о несоотвѣтствіи его ученія съ нынѣшнимъ состояніемъ философіи, позитивизмъ не только навсегда сохранитъ историческое значеніе, но и до сихъ поръ можетъ служить болѣе чѣмъ достаточнымъ противовѣсомъ мистицизму и метафизикѣ, далеко еще не устраненнымъ и теперь—черезъ сто лѣтъ со дня рожденія Конта.

М Филипповъ.

Ог. Контъ и Клотильда де Во.

Между біографами Конта до сихъ поръ существуетъ разногласіе относительно послѣдняго періода жизни великаго мыслителя; какъ отнестись къ этой порѣ дѣятельности Конта? Былъ-ли авторъ „Курса положительной философіи“ въ нормальномъ психическомъ состояніи въ тѣ годы, когда писалъ свою „Позитивную политику“? Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ существенно зависитъ тотъ или иной взглядъ на всю позднѣйшую дѣятельность Конта, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивая мнѣнія Литтре и другихъ писателей, строго придерживающихся одного лишь Курса положительной философіи, съ воззрѣніями тѣхъ послѣдователей Конта, которые признаютъ какъ разъ послѣдній періодъ его дѣятельности наиболѣе важнымъ, а въ самомъ Контѣ чтутъ по преимуществу основателя новой религіи.

Одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: въ жизни Конта существовалъ поворотный пунктъ, когда отъ культа разума онъ обратился къ культу чувства; и рѣшающимъ моментомъ въ этомъ поворотѣ была его любовь къ Клотильдѣ, а съ этой точки зрѣнія, отношенія Конта къ Клотильдѣ де Во пріобрѣтаютъ интересъ, имѣющій не одно біографическое значеніе.

Объ этой романической любви писали уже не разъ и освѣщали ее съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Ог. Контъ былъ несчастенъ въ семейной жизни; судить о причинахъ этого несчастія трудно потому, что мы имѣемъ главнымъ образомъ свидѣтельства самого Конта и почти не имѣемъ показаній противной стороны, т. е. г-жи Контъ.

Изъ всего, что сообщаетъ Контъ о своей женѣ, становится яснымъ, что она не могла удовлетворить его ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, не говоря уже о различіи темпераментовъ и характеровъ, изъ которыхъ ни одинъ не терпѣлъ господства надъ собою. Въ одномъ изъ писемъ къ Джону Стюарту Миллю, Контъ указываетъ на то, что къ отношеніяхъ къ женѣ

онъ всегда страдалъ отъ недостатка въ ней нѣжности, отъ сухаго отношенія къ его ласкамъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о томъ, что жена отравила ему жизнь своимъ непріятнымъ властолюбивымъ характеромъ, что она была воспитана въ дурныхъ принципахъ и „ложно цѣнила необходимыя условія, свойственныя ея полу въ экономіи человѣческой жизни“. Онъ жалуется, что жена его обладала деспотическими стремленіями и отсутствіемъ кротости. По словамъ Конта, такія стремленія могли-бы еще уравновѣсится сильною привязанностью; но жена не имѣла къ нему ни малѣйшей склонности.

Въ пользу жены Конта говоритъ то обстоятельство, что къ ней относились съ уваженіемъ многіе друзья и поклонники философа, въ томъ числѣ и Литтре, который по смерти Конта даже содѣйствовалъ его женѣ въ оспариванія завѣщанія великаго философа. Всѣ попытки друзей, въ особености Литтре, примирить супруговъ не привели ни къ чему; четыре раза Контъ расходился съ женой и наконецъ рѣшительно отказался принять ее къ себѣ. Уже то обстоятельство, что Контъ, подобно большинству его соотечественниковъ, и въ теоріи, и на практикѣ считалъ женщину, предназначенною главнымъ образомъ любить и быть любимой, показываетъ, что нужно относится осторожно къ его показаніямъ. „Со времени нашей роковой свадьбы 19 февр. 1845 года, пишетъ Контъ въ своемъ завѣщаніи—ея поведеніе, хотя весьма распущенное, никогда не обнаруживало ни къ какому истинной привязности; два другихъ альтруистическихъ инстинкта—уваженіе и доброта ей еще болѣе чужды. Не смотря на позитивный тонъ, ея натура на всегда останется чисто революціонной“ *).

Можно было-бы поэтому подумать, что для Конта окончательный разрывъ съ женой былъ большимъ облегченіемъ; но по своей натурѣ Контъ былъ неспособенъ къ одиночеству и Ж. Дюма, кажется, не безъ основанія замѣчаетъ, что два года одинокой жизни болѣе состарили Конта, нежели 17 лѣтъ несчастной супружеской жизни. Было-бы однако ошибкою повторить вслѣдъ за нѣкоторыми врачами Конта, что любовь его къ Клотильдѣ де Во была старческимъ увлеченіемъ. Не смотря на все имъ испытанное, Контъ въ 46 лѣтъ не могъ еще считаться старикомъ, а любимая имъ женщина, во всякомъ случаѣ, была уже не первой молодости: Клотильдѣ де Во, при первомъ ея знакомствѣ съ Контомъ, было 30 лѣтъ. Были правда особыя обстоятельства, придавшія чувству Конта романтическій характеръ: Если Контъ былъ несчастенъ въ семейной жизни, то Клотильда де Во могла противупоставить его испытаніямъ болѣе тяжкое горе; она была женою человѣка,

*) См. Aug. Comte et Clotilde de Vaux par H Aimel, Nouv Revue 1889,15 Oct, G. Dumas, L'état mental d' Auguste Comte, Rev. Philos. 1898 № 2

совершившаго уголовное преступленіе и лишеннаго правъ. Измученная, опозоренная, она жила у своихъ родителей, одинокая, вдали отъ мужа, понесшаго позорное наказаніе. Такая обстановка, въ связи съ красотою Клотильды, не могла не повліять на философа, утомленнаго одиночествомъ. Знавшіе Клотильду, говорятъ, что она дѣйствительно была хороша: это была блондинка съ роскошными волосами, полными нѣги голубыми глазами и тѣмъ нѣжнымъ румянцемъ, который свойственъ чахоточнымъ. Знакомство Конта съ Клотильдой началось съ того, что онъ случайно одолжилъ ей книгу, а именно „Тома Джонса“ Фильдинга. По поводу этой книги у нихъ завязалась переписка, вскорѣ ставшая ежедневною. Въ самыхъ первыхъ письмахъ Конта уже ясно сказывается охватившее его чувство, и тѣ оффиціальные визиты къ родителямъ де Во, во время которыхъ онъ долженъ былъ себя сдерживать, уже не удовлетворяли его. Втораго мая 1845 года Контъ писалъ: „Значеніе, которое вы придаете моей бесѣдѣ, поощряетъ меня заявить вамъ, что я былъ-бы очень радъ скрѣпить подобныя отношенія, на сколько вы признаете возможнымъ. Меня часто признавали не достаточно уживчивымъ вслѣдствіе того, что я не встрѣчалъ у другихъ настроеніе ума и въ особенности сердца, достаточно гармонирующаго съ моимъ... Помимо возвышенности идей и благородства, свойственнаго всей вашей, интересующей меня семьѣ, грустное совпаденіе нашихъ личныхъ положеній образуетъ еще между вами и мной особенное сближеніе“.

Понять чувства, волновавшія Конта, было конечно не трудно тридцатилѣтней женщинѣ, и цѣлыхъ тринадцать дней она медлила отвѣтомъ; а когда наконецъ отвѣтила, то написала между прочимъ; „мое уединеніе заставляло меня рѣдко принимать визиты мужчинъ, однако нѣкоторыхъ я принимаю; сочту для себя честью, если вы будете въ ихъ числѣ“.

Три дня спустя Контъ отвѣчаетъ ей длиннымъ письмомъ, въ которомъ содержится уже настоящее признаніе въ любви. Онъ пишетъ о томъ, что, еще не ожидая ея счастливаго позволенія, онъ пересталъ подавлять въ себѣ нѣжныя чувства, постепенно увлекавшія его по отношенію къ ней. Онъ проситъ позволенія открыто посвятить ей привязанность старшаго брата; сожалѣетъ о томъ, что не можетъ стать моложе и прибавляетъ: „о если-бы вы, сударыня, были менѣе прекрасны, чтобы хотя немного уравновѣсить роковое несоотвѣтствіе моей нравственной юности съ моимъ физическимъ возрастомъ“.

Онъ называетъ ее своей очаровательной подругой, стараясь при этомъ увѣрить, что въ его характерѣ нѣтъ ни малѣйшей сентиментальности и аффектаціи и что любовь его есть плодъ зрѣлаго убѣжденія. Въ концѣ письма онъ говоритъ о своихъ философ-

скихъ трудахъ; „какой драгоцѣнный контрастъ съ печальнымъ состояніемъ угнетенія, въ которое я былъ погруженъ 15 лѣтъ тому назадъ, когда началъ мой капитальный трудъ, почти всецѣло выполненный подъ этимъ удручающимъ впечатлѣніемъ. Я до того проникнутъ сознаніемъ этой спасительной реакціи, что не колеблясь посвятилъ-бы вамъ трудъ, въ которомъ вы такимъ образомъ примете косвенное участіе; если бы только подобное посвященіе не нарушило внѣшнихъ приличій, заслуживающихъ уваженія.... Но какъ бы то ни было, втайнѣ наилучшая доля моей благодарности всегда будетъ обращена изъ той, которая, ожививъ силу моихъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, оказала такую существенную поддержку моимъ философскимъ стремленіямъ".

Черезъ нѣсколько дней Клотильда отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она написала Конту, что его письмо сильно ее огорчило, что принявъ его дружбу, она думала содѣйствовать его и своему счастью; но ошиблась въ этомъ. Она увѣряла, что разсчитывала скорѣе внушить ему сожалѣніе, чѣмъ нѣжность, такъ какъ цѣлый годъ уже думаетъ о томъ, доживетъ-ли до слѣдующаго дня, а съ такими мыслями никто не рѣшается ни опрометчивыя выходки. Контъ въ тотъ-же день отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ сознавалъ себя виноватымъ и въ тоже время писалъ, что одна ужасная фраза въ запискѣ Клотильды внушила ему чувство сильной тревоги и угрызенія. Онъ увѣрялъ себя и Клотильду, что сумѣетъ обуздать свои чувства.

Переписка однако не прекращалась и нѣсколько дней спустя Контъ снова писалъ о тяжелой борьбѣ и выражалъ надежду, что все кончится настоящей дружбой, прося прощенія за свое недавнее безуміе. Ему не удалось однако убѣдить Клотильду! 5-го іюня она написала ему письмо, которое, казалось, должно было положить конецъ ихъ отношеніямъ. Она писала ему, что безнадежная любовь убиваетъ тѣло и душу и что уже два года она любитъ человѣка, отъ котораго отдѣлена двойной преградой; она просила Конта сохранить къ ей дружбу, но болѣе не посѣщать ея.

Если уже послѣ первыхъ писемъ Клотильды Контъ былъ разстроенъ такъ, что 22-го мая слегъ въ постель, то можно представить себѣ впечатлѣніе, испытанное имъ послѣ подобнаго признанія. Настроеніе его духа ясно выразилась въ мрачномъ его письмѣ, адресованномъ отъ 27 іюня Джону Стюарту Миллю. Клотильдѣ онъ отвѣтилъ нѣжнымъ письмомъ, въ которомъ утѣшалъ себя самъ мыслью, что отъ этой величайшей жертвы выиграетъ человѣчество, такъ какъ теперь онъ удвоитъ свою любовь къ нему. Случайное обстоятельство вмѣшалось въ отношенія Конта къ Клотильдѣ. Родственница Клотильды родила ребенка и еще задолго до рожденія взяла съ Конта и съ Клотильды де Во слово, что они бу-

дутъ крестнымъ отцемъ и матерью. И вотъ тотъ самый Контъ, который когда-то рѣшительно отказался отъ церковнаго брака съ m-lle Massin и выполнилъ лишь гражданскій бракъ, писалъ теперь Клотильдѣ, что счастливъ осуществить принятое на себя святое обязательство, и что они оба, не имѣя дѣтей, такимъ образомъ установятъ между собой родъ духовной связи; а нѣсколько дней спустя Контъ писалъ уже Клотильдѣ: если только стану когда-либо свободнымъ, то рѣшилъ не жениться ни на комъ кромѣ васъ, исключая того случая,если уже останусь на всегда одинокимъ, или если вы меня не примете; Клотильда въ тотъ-же самый день пишетъ: „Cher ami, я всегда буду вашимъ другомъ, но ничѣмъ больше, считайте меня какъ-бы несвободной женщиной". Контъ отвѣчалъ ей восторженнымъ письмомъ, въ которомъ называетъ ее дорогой Клотильдой и своей Клотильдой, говоритъ о томъ, какъ сладко любить и выражаетъ надежду, что братская искренность украситъ его общественную и частную жизнь.

Такая изумительная настойчивость, искренность и наивность великаго философа если не внушили Клотильдѣ любви, то во всякомъ случаѣ заставили проникнуться чувствомъ жалости. Она стала называть его своимъ дорогимъ философомъ, и кромѣ оффиціальныхъ свиданій, у нихъ начались и тайныя: разъ въ недѣлю Клотильда стала посѣщать Конта. Письма его со дня на день все болѣе становятся влюбленными; 26-го авг. онъ пишетъ ей, что видитъ ея образъ постоянно передъ собой и молится ему у ея алтаря. Клотильда уже не отвѣчаетъ сурово, но пишетъ, что нѣжно протягиваетъ ему руку. 5-го она пишетъ ему новое рѣшительное письмо; „со времени моихъ несчастій моей единственной мечтою было стать матерью, но я дала себѣ слово связать судьбу только съ человѣкомъ, достойнымъ и способнымъ понять меня. Если вы считаете себя способнымъ взять на себя отвѣтственность, связанную съ семейной жизнью, скажите мнѣ, я рѣшу свою судьбу". Отвѣтъ Конта легко угадать. Онъ прочелъ ея „божественное" письмо на колѣняхъ передъ ея алтаремъ, обдумывалъ отвѣтъ всю ночь и наконецъ отвѣтилъ, что считаетъ это самымъ рѣшительнымъ событіемъ своей жизни. Онъ считаетъ ее своей „единственной настоящей женой, не только будущей, на нынѣшней и вѣчной". Клотильда отвѣчаетъ ему, что не считаетъ его обыкновеннымъ человѣкомъ, что планъ ея жизни —любовь и мысль и что она постарается развить свой литературный талантъ....

Клотильда считала себя талантивой романисткой и поэтессой. Отъ нея сохранилась повѣсть, напечатанная въ 1845 г. въ газетѣ National. Тема этой повѣсти—краснорѣчивая защита развода; но выполненіе весьма слабо. Въ другой, неоконченной повѣсти, Виль

гельминѣ, Клотильда защищаетъ добродѣтель и домашнее счастье: этотъ отрывокъ любопытенъ лишь тѣмъ, что написанъ въ сотрудничествѣ съ Контомъ, который сочинилъ письмо для одного изъ лицъ „въ одно и тоже время философское и сантиментальное“ о преимуществахъ семьи и брака.

Возвратимся къ судьбѣ Конта. Седьмого сентября состоялось между нимъ и Клотильдой рѣшительное свиданіе; но когда Клотильда увидѣла Конта у своихъ ногъ, когда убѣдилась въ томъ, что теперь, по своему собственному добровольному рѣшенію, станетъ его женою, не признанною свѣтомъ, то на другой же день написала, что это выше ея силъ.

Бѣдный философъ не могъ тутъ ничего понять. Какъ, пишетъ онъ, въ пятницу Вы по доброй волѣ дѣлаете мнѣ неожиданное обѣщаніе, въ субботу Вы его подтверждаете, въ воскресенье избѣгаете, въ понедѣльникъ берете назадъ! Не значитъ-ли это злоупотреблять привилегіей женщины? Онъ съ горечью прибавляетъ, что сожалѣетъ о своемъ великодушіи: „если-бы я больше настаивалъ, Вы бы уступили“. Клотильда отвѣчаетъ ему тономъ раздраженія: „я не способна отдаться безъ любви, я это почувствовала вчера: если-бы Вы заставили меня уступить, то никогда бы не увидѣли меня больше. Умоляю Васъ не напоминать мнѣ ни о Вашихъ правахъ, ни о Вашихъ жертвахъ: и то, и другое существуетъ только въ Вашемъ воображеніи; съ тридцатилѣтней женщиной нельзя поступать, какъ съ маленькой дѣвочкой. Лѣчитесь и заботьтесь о своемъ здоровьи. Развѣ я когда-нибудь говорила о превращеніи человѣческой натуры въ ангельскую? Развѣ я когда-либо впадала въ смѣшную ошибку спиритуалистовъ? Другъ мой, опомнитесь и въ свою очередь будьте разсудительны“...

Теперь Контъ понялъ, что все кончено. Ни малѣйшей горечи нѣтъ однако въ его отвѣтѣ. Теперь онъ самъ пишетъ, что надо забыть объ этихъ грезахъ; онъ оскорбленъ лишь ея подозрѣніями: „я гораздо болѣе похожъ на Донъ-Кихота, чѣмъ на Донъ-Жуана. Изъ всѣхъ отвратительнѣйшихъ поступковъ, какое-бы то ни было насиліе надъ женщиной всего болѣе антипатично моему характеру“.

Огюстъ Контъ рѣшился прекратить свиданія съ Клотильдой; онъ видѣлъ въ ней, съ этихъ поръ, лишь чисто духовную жену и подругу. Но зато письма Клотильды становились все болѣе нѣжными. Она пишетъ такъ, какъ будто сама страдала отъ утраты величайшаго счастья. Но на этотъ разъ письма Клотильды не привели Конта къ ея ногамъ. Онъ писалъ ей, что хотя, какъ мужчина, не способенъ къ утонченной нѣжности, но ей болѣе нечего бояться его нескромности, онъ болѣе не будетъ надоѣдать ей. Онъ писалъ, что обязанъ ей источникомъ чистаго и продол-

жительнаго счастья, но теперь сумѣетъ удержать себя въ предѣлахъ ею назначенныхъ.

Шесть мѣсяцевъ еще продолжалась ихъ переписка. Клотильда медленно умирала; но весной 46-го года, болѣзнь ускорилась, и 5-го апрѣля Клотильда умерла въ объятіяхъ Конта.

Съ тѣхъ поръ и до самой своей смерти, въ теченіе одинадцати слишкомъ лѣтъ, Контъ чтилъ Клотильду, какъ пламенный аскетъ чтитъ свою Мадонну. Послѣднимъ желаніемъ Конта было—быть похороненнымъ вмѣстѣ съ нею. Но семья этому воспротивилась и друзья Конта могли лишь опустить въ его гробъ дощечку съ надписью: „Клотильда де Во, вѣчная подруга Огюста Конта. Родилась 3-го апрѣля 1815 г. въ Парижѣ и умерла 5 апрѣля 1846 года въ Парижѣ“.

Въ теченіе перваго года по смерти Клотильды Контъ лишился способности что-либо дѣлать; бросилъ всѣ работы и оставался въ состояніи меланхоліи. Единственное, что онъ написалъ за это время, было философское письмо, составленное для г-жи Клотильды де Во по случаю дня ея рожденія.

Перебирая еще разъ въ памяти исторію любви Конта, прійдемъ къ заключенію, что значеніе этого романа было не совсѣмъ правильно освѣщено многими писателями, смотрѣвшими на Клотильду де Во его собственными глазами. Вотъ что напримѣръ пишетъ Милль въ своемъ извѣстномъ очеркѣ „Огюстъ Контъ и позитивизмъ“. Приведя изъ позднѣйшихъ сочиненій Конта утвержденіе, что творецъ позитивной философіи испыталъ, вслѣдствіе „несравненной страсти“, ангельское вліяніе женщины, содѣйствовавшее нравственному перерожденію, Милль отъ себя замѣчаетъ: „Контъ испыталъ страстную привязанность къ одной женщинѣ, которая, по его описанію, соединяла въ себѣ всѣ нравственныя добродѣтели со всѣми умственными достоинствами; его отношенія къ этой женщинѣ, помимо непосредственнаго воздѣйствія ея характера на его собственный, дали Конту возможность извѣдать истинные источники человѣческаго счастья, что радикально измѣнило его взглядъ на жизнь; эта привязанность, всегда оставававшаяся чистою, доставила ему только одинъ годъ страстнаго наслажденія“...

Но обожаніе памяти этой женщины пережило ее и стало для Конта основой его воззрѣній относительно воспитанія, построеннаго на началахъ симпатіи. Конечно Милль, по его собственнымъ словамъ, относится къ послѣднему періоду дѣятельности Конта болѣе критически, чѣмъ одобрительно, однако онъ убѣжденъ въ томъ, что нравственное вліяніе Клотильды на характеръ Конта дѣйствительно было облагораживающимъ и смягчающимъ. Едва-ли можно безусловно согласиться съ такимъ заключеніемъ;

Дж. Ст. Милль гораздо правильнѣе характеризуетъ перемѣну, произшедшую въ Контѣ, замѣтивъ, что „вліяніе его личныхъ чувствъ на умозрѣніе превратило его философію въ религіозный экстазъ“.

Присоединяясь къ послѣднему мнѣнію, могу прибавить, что Контъ, до такого поздняго возраста не испытавшій настоящей любви, до того былъ охваченъ этимъ чувствомъ, что возвелъ его въ культъ, а объектъ страсти идеализировалъ до степени божества.

Между тѣмъ это божество было далеко не безгрѣшно въ своихъ отношеніяхъ къ нему; подъ маской внѣшней кротости скрывалась въ сущности своенравная, себялюбивая кокетка, то разъигрывавшая изъ себя неприступную добродѣтель, то внезапно сулившая ему счастье, выражая желаніе соединиться съ нимъ неразрывно. Доведя свою власть надъ нимъ до послѣднихъ предѣловъ, она вдругъ заявляетъ, что принадлежать ему не можетъ,—не любитъ его. Гдѣ-же тутъ возвышенность чувствъ, о которой толкуютъ нѣкоторые біографы! Ни одна уважающая себя женщина не снизойдетъ до чувственой любви не любя, но найдется-ли такая, которая сама предложитъ любовь нелюбимому человѣку! И если-бы Контъ былъ менѣе увлеченъ Клотильдой, то на ея письмо „съ тридцатилѣтней женщиной нельзя поступать, какъ съ маленькой дѣвочкой“, отвѣтилъ бы: тридцатилѣтняя женщина не должна поступать легкомысленно, какъ дѣвочка. Быть можетъ буржуазная француженка, несчастная въ первомъ замужествѣ, захотѣла устроить свою судьбу, выйдя замужъ за знаменитаго философа; но взвѣсивъ всѣ трудности и препятствія, она испугалась тѣхъ жертвъ общественному мнѣнію, которыя пришлось бы принести. Въ характерѣ ихъ отношеній мало возвышеннаго, облагораживающаго, и если бы вліяніе Клотильды было такъ благотворно на духовныя силы философа, то быть можетъ великій мыслитель создалъ-бы что-либо не менѣе крупное, чѣмъ „Курсъ положительной философіи“.

Но какъ извѣстно, періодъ любовной экзальтаціи философа при жизни Клотильды не повліялъ на его философское творчество,—онъ ничего не написалъ. А то, что онъ писалъ послѣ смерти Клотильды, представляетъ мистическій бредъ истерзанной больной души, въ которомъ лишь изрѣдка пробиваются геніальныя мысли. Кто хотя на минуту сомнѣвается въ ненормальномъ состояніи Конта въ то время, когда онъ писалъ свою „Позитивную Политику“, „Позитивный Календарь“ и „Позитивный Катехизисъ“, тотъ пусть вспомнитъ объ утопіи, относящейся къ „дѣвѣ-матери“, въ которой самымъ очевиднымъ образомъ сказывается болѣзненное чувство неудовлетворенной любви, приведшее Конта къ аскетической док-

ринѣ и къ идеалу женщины, рождающей дѣтей безпорочнымъ путемъ. Впрочемъ, признавъ этотъ доводъ о патологическомъ состояніи Конта рѣшительнымъ, я выразилась несовсѣмъ точно, такъ какъ и въ настоящее время находятся писатели, отстаивающіе тотъ взглядъ, что Контъ сочинилъ эту утопію, „находясь въ нормальномъ умственномъ состояніи и желая указать лишь воображаемый предѣлъ, т. е. желая обуздать плотскіе инстинкты“. Г. Дюма въ „Revue Philosophique“ увѣряетъ даже, что „гипотеза Конта, хотя и не осуществима, вовсе не такъ нелѣпа, какъ о ней принято говорить“. Что надъ этимъ подразумѣваетъ г. Дюма, трудно сказать, такъ какъ авторъ не развиваетъ своей мысли.—Если ужъ говорить о вліяніи женщинъ на Конта, то прійдется признать, что г-жа Контъ, хотя по своему умственному содержанію не могла вліять на работы философа, но во всякомъ случаѣ не была для него тормазомъ: главный свой трудъ, „Курсъ позитивной философіи“ Контъ написалъ до разрыва съ женою.

Л. И. Филиппова.

